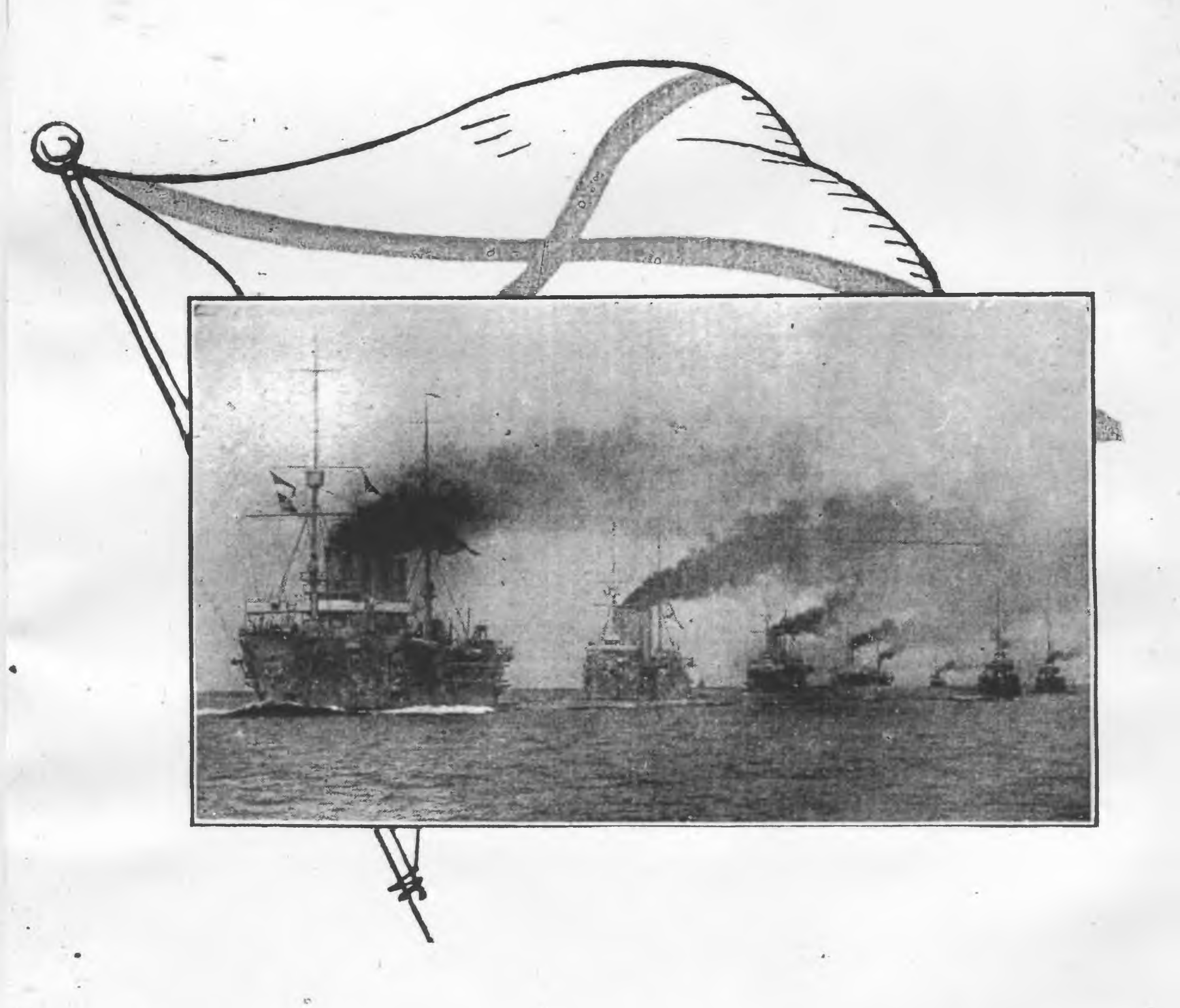
Кап. 2р. Б. АПРѢЛЕВЪ.

НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ

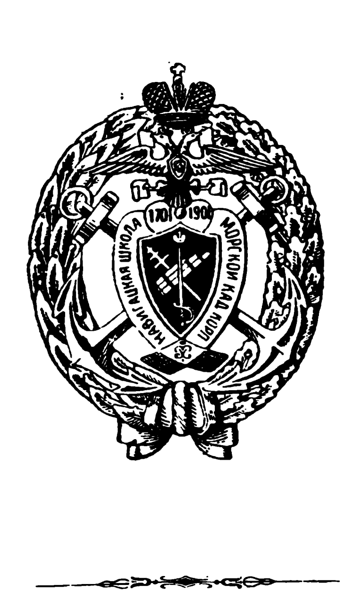

Издательство „СЛОВО“.

Шанхай
1933 г.

Кап. 2р. Б. АПРѢЛЕВЪ.

НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ

Издательство „СЛОВО".

Шанхай
1933 г.

Русская морская зарубежная библіотека
№26
Апрѣль, 1933 г.

Его Императорское Величество Государь Императоръ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

ТИТУЛЪ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Божіей Поспѣшествующей Милостью НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Царь Грузинскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій; Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Новгорода низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полотскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій и всея Сѣверной страны Повелитель; и Государь Иверскій, Карталинскія и Кабардинскія земли и области Арменскія; Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдный Государь и Обладатель; Государь Туркестанскій; Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ — Голстинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій, и прочая, и прочая и прочая.

„Итакъ смиритесь подъ крѣпкую руку Божію, да вознесетъ васъ съ свое время“
(1 посл. Ап. Петра. гл. 5, ст. 6).

Покойному Государю.

(НА МОГИЛУ ВѢНОКЪ)

Нынѣ, когда уже переходятъ въ область исторіи страшныя событія, вызванныя такъ называемой „великой и безкровной“ русской революціей, мнѣ хотѣлось бы внести маленькій вкладъ изъ личныхъ моихъ воспоминаній о покойномъ Государѣ Императорѣ Николаѣ Александровичѣ и о Его Августѣйшей Семьѣ.

Въ моей жизни, мнѣ пришлось нѣсколько разъ видѣть Государя; пришлось быть даже близко къ нему, когда я плавалъ на Императорской яхтѣ „Штандартъ“. Тамъ, за короткое время я узналъ Государя и Его Семью въ простой обстановкѣ; узналъ ихъ просто, какъ людей, внѣ обычнаго придворнаго этикета. Я думаю, что правдивое, безъ ложнаго пафоса, описаніе Государя и Его Семьи, только въ рамкахъ того, что лично было мною видѣно и слышано, можетъ помочь въ дѣлѣ собиранія матеріаловъ, для написанія правдивой и безпристрастной исторіи о Нихъ. Въ моихъ запискахъ я стараюсь ограничиться лишь тѣмъ, что я лично видѣлъ и лично слышалъ отъ Государя, или отъ Членовъ Его Семьи. Отъ этого я, можетъ быть, отступаю въ двухъ-трехъ случаяхъ, но стараюсь это оговорить.

Кромѣ того, и можетъ быть, въ ущербъ стилю и качеству слога, я особенно стараюсь, чтобы въ этихъ запискахъ была только правда, простая человѣческая правда. Я пишу здѣсь о томъ, что я видѣлъ и что слышалъ лично и какъ я лично переживалъ тѣ или другія событія. Поэтому, съ одной стороны я невольно много говорю о себѣ, но за то съ другой и Государь и Его Семья описаны мною просто со стороны общечеловѣческой, такими, какъ я Ихъ видѣлъ, и въ обстановкѣ, въ которой не такъ много людей могли ихъ знать. Несмотря на долгій промежутокъ времени, протекшій съ тѣхъ поръ, въ памяти моей, къ счастью, сохранились многія детали, которыя я и заношу въ эти записки.

8/21 Ноября 1932 года

г. Шанхай

Кап. 2 р. Б. Апрелевъ

Памятникъ Петру Великому (работы Фальконета). Санктъ-Петербургъ. Сенатская площадь.

Санктъ - Петербургъ.

1901-02 г.

ГЛАВА I

Впервые я увидѣлъ Государя въ 1901 году. Это было въ С. Петербургѣ, куда я пріѣхалъ съ моимъ братомъ, для поступленія въ Морской Кадетскій Корпусъ, а братъ въ Пажескій Его Императорскаго Величества Корпусъ. Мы попали на улицы С. Петербурга въ день „Майскаго парада". Всюду были войска въ красивыхъ, нами еще невиданныхъ формахъ. На площади Зимняго Дворца стояла Гвардейская Кирасирская Дивизія. Блескъ кирасъ и касокъ съ двуглавыми орлами, пики съ флюгерами—все это показалось намъ волшебнымъ сномъ.

Вдругъ, дивизія замерла и мы увидѣли Государя, верхомъ на конѣ, ѣдущаго на парадъ на Марсово Поле. Государыня Императрица въ коляскѣ „à la Daumont", запряженной бѣлыми конями... Чудный весенній солнечный день... Громовые раскаты „ура" войскъ и народа...

—„Мальчики, снимите шапки", услышали мы сзади голосъ какого то господина. Братъ и я такъ были увлечены величественной картиной, что не замѣтили, какъ кругомъ насъ всѣ сняли шляпы. Такъ мнѣ видится изъ далекаго прошлаго появленіе ЦАРЯ РОССІИ передъ войсками и народомъ въ С. Петербургѣ въ 1901 году.

На слѣдующій годъ, будучи маленькимъ кадетомъ младшей роты Морского Кадетскаго Корпуса, не имѣя еще ни „винтовки, ни палаша", я къ горю своему не участвовалъ на Майскомъ Парадѣ, но судьба помогла мнѣ, какъ многимъ моимъ товарищамъ, такимъ же еще „молодымъ", пробраться на Марсово Поле, несмотря на толпы народа, запрудившаго всѣ пути къ нему. Тамъ мы толкались „какъ стадо барановъ", пока насъ не замѣтилъ Генералъ—Адмиралъ, Великій Князь Алексѣй Александровичъ, который очень разсердился, что мы пришли на Поле въ такомъ безпорядкѣ и послалъ къ намъ своего адъютанта. Адъютантъ, молодой и „страшно шикарный" лейтенантъ, энергично приказалъ намъ построиться и фронтомъ привелъ насъ на Поле, поставивъ впереди публики, слѣва отъ Царской па-

латки. Только что насъ построили, какъ на полѣ, усѣянномъ полками Гвардейской пѣхоты раздались команды и со стороны набережной Невы донеслись крики „ура“ и звуки военной музыки, игравшей „Боже Царя храни“ и полковые марши. Государь, въ такой же блестящей рамкѣ какъ я видѣлъ Его годъ тому назадъ, показался верхомъ на конѣ и рядомъ съ нимъ въ экипажѣ „à la Daumont“ Государыня.

Государь и Государыня начали объѣздъ поля по рядамъ пѣхоты. Затѣмъ экипажъ Ея Величества остановился противъ Царской палатки. Государыня вышла и прошла въ палатку. Поле заколыхалось отъ движенія полковъ, уходящихъ съ него для построенія къ Церемоніальному Маршу. Государь, увидѣвъ насъ и стоящихъ лѣвѣе насъ маленькихъ кадетъ другихъ корпусовъ, такимъ же путемъ, какъ и мы пробравшихся на парадъ, подъѣхалъ къ намъ и медленно проѣзжая по фронту, ласковымъ, Ему одному присущимъ голосомъ, здоровался съ нами. Мягкій голосъ Государя—„здравствуйте дѣти“, „здравствуйте малыши“ „здравствуйте кадеты“, слышался при этомъ проѣздѣ всѣми нами и на каждое Его привѣтствіе, стройно, дѣтскими пискливыми голосами, раздавался отвѣтъ—„Здравія желаемъ ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО“! Государь, улыбаясь повернулъ коня, проѣхалъ вновь по фронту и сталъ ротивъ палатки, давъ знакъ къ началу Церемоніальнаго Марша.

Отъ Инженернаго Замка показалась линія полевыхъ жандармовъ Гвардейскаго Полевого Жардармскаго Эскадрона, въ голубыхъ мундирахъ и каскахъ съ двуглавымъ орломъ. Затѣмъ, великолѣпная рота Дворцовыхъ Гренадеръ въ медвѣжьихъ шапкахъ, воскрешающихъ эпоху 1812 года. Впереди роты, линія маленькихъ флейтщиковъ, сзади нихъ барабанщики. Поле наполнилось звуками флейтъ и грохотомъ барабановъ. Далѣе, Конвой Его Величества въ черкескахъ, держа винтовки у праваго колѣна, а затѣмъ—безконечные ряды войскъ, идущихъ церемоніальнымъ маршемъ. Военно--учебныя Заведенія, Гвардейская пѣхота, роскошные мундиры Гвардейской кавалеріи, все это проходило мимо насъ, при звукахъ бодрыхъ маршей, при рокотѣ барабановъ и звукахъ флейтъ, какъ живое воплощеніе красоты, мощи и разнообразія РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ. Намъ казалось, что огромныя массы народа толпившагося вокругъ Марсова Поля, какъ и мы сами, не могли не почувствовать эту красоту, это величіе,—неповторяемыя и больше мною нигдѣ въ жизни не встрѣченныя. Это была красота Россіи, общая намъ всѣмъ, наша, и родная намъ.

Такъ, второй разъ въ моей жизни увидѣлъ я Государя и услышалъ Его голосъ.

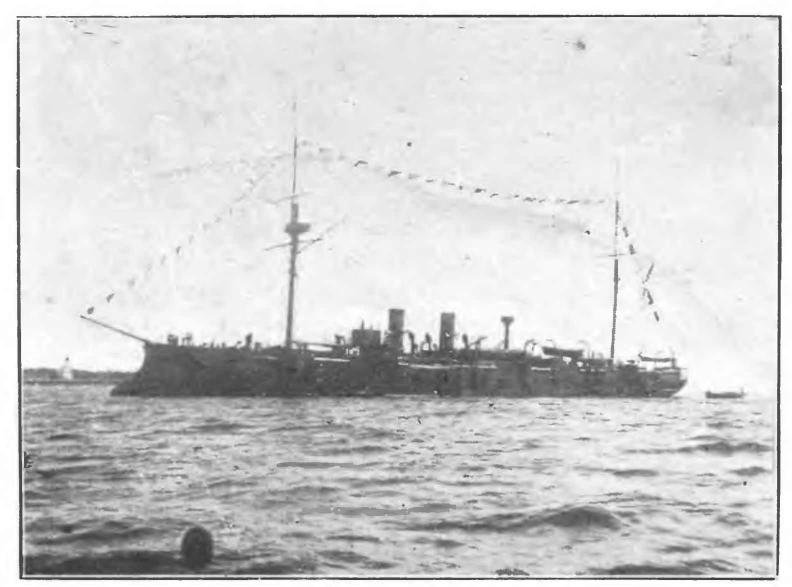
Санктъ-Петербургъ.
Зимній Дворецъ и Адмиралтейство (видъ съ Васильевскаго острова).

Санктъ - Петербургъ.
Зимняя Канавка.

МОРСКОЙ КОРПУСЪ

Прошли годы ученія въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, были и радости и горести дѣтскихъ лѣтъ, но въ стѣнахъ Корпуса я такъ ясно чувствовалъ, что мы дѣти Россіи, что она велика, могуча, а главное безконечно прекрасна. Я жилъ тѣмъ, что мы готовимся быть ея защитниками на моряхъ и океанахъ, и что эта красота и сила Родины воплощались именно въ томъ, чѣмъ она была тогда—съ ея огромными пространствами, ея выходами „на пять морей", разнообразіемъ ея народовъ, объединенная воедино силой и красотой ЕЯ ЦАРЯ, безъ котораго Россія казалась-бы чѣмъ то уродливымъ, неискреннимъ и невѣрнымъ.

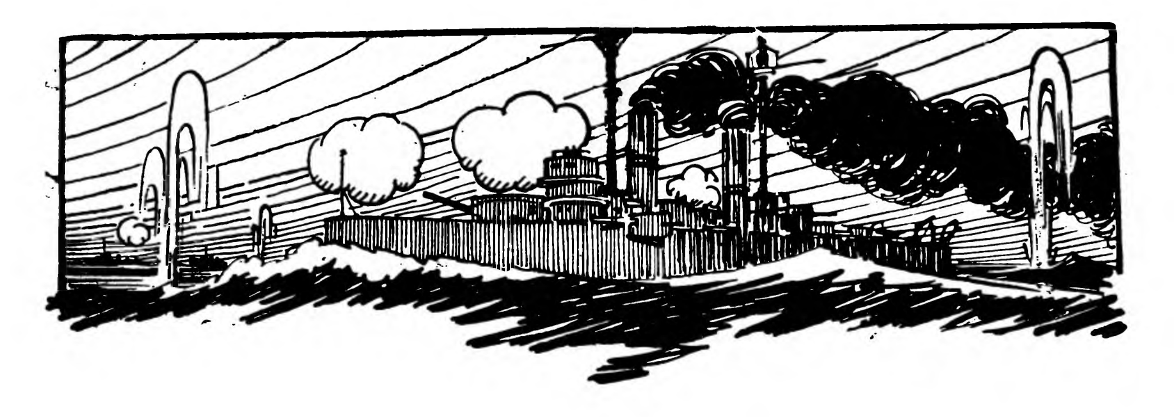
Крейсеръ „Адмиралъ Корниловъ". Учебнаго Отряда Морского Корпуса.

Питомцы Морского Корпуса (поступившіе въ Корпусъ въ 1913 году)

Офицеръ лейбъ-гвардіи Кирасирскаго, Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны, полка.

Русско-Японская Война.

1904 г.

ГЛАВА II

Наступилъ 1904 годъ. Мы, тогда еще дѣти, не слѣдили за политикой. Мы слышали, что имѣются какія-то тренія между нами и Японіей и вдругъ, совершенно неожиданно, 28 января 1904 года, во время уроковъ, по классамъ прошелъ дежурный офицеръ, передавъ взволнованнымъ голосомъ приказаніе немедленно окончить уроки, переодѣться въ мундиры и собраться въ столовый залъ. Уроки были прерваны, мы бросились въ «роты» переодѣваться. Какъ только мы были готовы раздалась, команда «построиться» и насъ вывели въ столовый залъ безъ винтовокъ. Въ залъ уже выходили другія роты. Какъ только насъ построили, по рядамъ пронесся шопотъ, что въ Корпусъ прибудетъ Государь.

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ.

Двери въ «Музей» были открыты, что бывало только въ парадныхъ случаяхъ. Въ «Музеѣ», у насъ хранились модели кораблей, начиная съ эпохи паруснаго флота до нашихъ дней, а равно и коллекціи разныхъ диковинокъ Японіи, Океаніи, Австраліи, Африки и другихъ странъ, подаренныя Корпусу бывшими его питомцами, мореплавателями Адмираломъ Крузенштерномъ и другими.

ПОСѢЩЕНІЕ КОРПУСА ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ.

Раздалась команда «Смирно».Въ «Музеѣ» послышались шаги и въ дверяхъ показался Государь въ формѣ Капитана 1 ранга, съ вензелями Государя Императора Александра III на погонахъ и съ золотыми аксельбантами. Государь былъ въ сюртукѣ при кортикѣ, рядомъ съ нимъ Государыня, въ малиновомъ бархатномъ платьѣ, сзади Свита (Дежурный Генералъ-Адъютантъ, Дежурный Свиты Его Величества Контръ-Адмиралъ и Дежурный Флигель-Адъютантъ Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ, Генералъ-Адмиралъ, Управляющій Морскимъ Министерствомъ и Директоръ Корпуса).

Уже по лицу Государя было видно, что что-то важное тревожитъ Его. Идя по фронту, Государь здоровался съ каждой ротой отдѣльно. Подойдя къ Старшей Гардемаринской ротѣ Государь остановился: Его голосъ слегка дрогнулъ, когда Онъ произнесъ «здравствуйте Старшіе Гардемарины». Громъ отвѣта «Здравія желаемъ Ваше Императорское Величество», вырвавшійся изъ 120 молодыхъ грудей,инстинктивно,какъ-то былъ отличенъ отъ столь-же отчетливыхъ отвѣтовъ другихъ ротъ. Точно между Царемъ и Старшими Гардемаринами пробѣжалъ какой-то токъ. Эти Гардемарины черезъ пять мѣсяцевъ должны были быть произведены въ Мичманы.

Государь и Государыня подошли къ аналою, около котораго стояло духовенство Корпуса. Начался молебенъ «О дарованіи побѣды Русскому оружію». Мы поняли, что война началась. Какъ? Почему? мы еще не знали, но по горѣвшимъ глазамъ Старшихъ Гардемаринъ и по, ставшимъ грустными, глазамъ младшихъ ротъ было видно, какъ мечтаютъ первые попасть на войну и какъ тяжело остальнымъ, что они еще не доросли до этого.

Молебенъ конченъ. Государь, въ сопровожденіи Государыни, медленно проходитъ по фронту ротъ и останавливается противъ Старшей Гардемаринской роты, шепнувъ что-то Директору Корпуса, Контръ-Адмиралу Г. П. Чухнину. Послѣдній что-то передаетъ Командиру Старшей Гардемаринской роты, Полковнику С. В. Мѣшкову, и вслѣдъ затѣмъ раздается команда—«Старшіе Гардемарины три шага впередъ — маршъ».

Старшая Гардемаринская рота, какъ одинъ, стройно отчеканила три шага и замерла въ положеніи «смирно». Въ гробовой тишинѣ раздался голосъ Государя. Насколько помню, Онъ сказалъ такъ:

ОБРАЩЕНІЕ ГОСУДАРЯ КЪ ГАРДЕМАРИНАМЪ.

«Въ ночь на 27-е января японскіе миноносцы неожиданно и безъ объявленія войны атаковали нашу эскадру, стоящую на внѣшнемъ рейдѣ крѣпости Портъ-Артуръ. Эта атака есть вызовъ и объявленіе войны. Этотъ вызовъ Россія принуждена принять и Мною отдано повелѣніе Намѣстнику Моему на Дальнемъ Востокѣ о началѣ военныхъ дѣйствій и о приведеніи въ боевое положеніе Арміи и Флота на Дальнемъ Востокѣ. Пути Господни неисповѣдимы. Мы должны напрячь всѣ наши силы, чтобы война была окончена достойно для Россіи. Я произвожу Васъ въ Мичманы и поздравляю Васъ съ первымъ офицерскимъ чиномъ. Увѣренъ, что Вы будете честно служить Мнѣ и Россіи, что вы сумѣете быть хорошими начальниками для командъ, которыя будутъ вамъ подчинены. Увѣренъ, что вы будете помнить и бояться Господа Бога, и что вы будете достойны славныхъ завѣтовъ нашего флота. Желаю вамъ силъ и здоровья въ вашей новой жизни.“ Глаза Государя были грустны и видно было, какъ Ему жаль этихъ молодыхъ людей.

Старшая рота въ послѣдній разъ не „по офицерски“ отвѣтила — „Покорно благодаримъ, Ваше Императорское Величество“, „Рады стараться, Ваше Императорское Величество“, и затѣмъ „ура“. Когда „ура“ смолкло, насъ начали выводить изъ зала для построенія шпалеръ по пути слѣдованія Государя.

Когда мы размѣстились по шпалерамъ и смогли немного подѣлиться впечатлѣніями, до насъ дошелъ слухъ, что Государь приказалъ не назначать произведенныхъ Мичмановъ на войну, а отправить ихъ въ Балтійское и Черное моря, взявъ оттуда на войну соотвѣтствующее число офицеровъ, уже прослужившихъ нѣсколько лѣтъ.

ПРОВОДЫ ГОСУДАРЯ ИЗЪ КОРПУСА.

Волненіе у насъ всѣхъ было такое, что обычная дисциплина поколебалась и мы вдругъ почувствовали, что не сможемъ остаться въ шпалерахъ, когда Государь будетъ уѣзжать отъ насъ. Онъ въ это время обходилъ лазаретъ и другія помѣщенія Корпуса.

Пользуясь всѣмъ происходящимъ, то одинъ, то другой изъ насъ начали выскакивать изъ шпалеръ и черезъ дворы выбѣгали на набережную Невы, гдѣ стояли карета Государя и тройки Свиты. Офицеры не успѣвали останавливать такихъ “удиравшихъ“. Наконецъ,

заколебались и самые скромные и дисциплинированные и, когда Государь и Государыня вышли изъ параднаго подъѣзда, весь Корпусъ, въ количествѣ 700 человѣкъ уже былъ на набережной въ полномъ безпорядкѣ, жужжа, точно рой пчелъ. Крики „ура" перемѣшивались съ пискомъ малышей маленькой роты, которые изъ-за своей слабости не могли пробиться сквозь ряды болѣе старшихъ и сильныхъ товарищей, окружившихъ карету Государя. Сама карета была облѣплена только-что произведенными Мичманами, которыхъ никто изъ насъ, конечно, не посмѣлъ бы оттѣснить отъ нея. Шумъ и крики покрывались молодыми, мужественными голосами Мичмановъ, кричавшихъ — „Ваше Императорское Величество, ради Бога не оставляйте насъ въ Балтикѣ и въ Черномъ морѣ. Ради Бога пошлите всѣхъ на войну." Государь отрицательно покачалъ головой, сдѣлавъ рукою знакъ, что Онъ этого не желаетъ.

Государь и Государыня сѣли въ карету. На козлахъ, на подножкахъ, даже на крышѣ кареты висѣли „Мичманы", молящіе попрежнему, чтобы ихъ послали на войну. Мы, кто успѣлъ, повисли на тройкахъ Свиты, часть вскочила на попавшихся извозчиковъ, а большинство бросилось бѣгомъ вслѣдъ за каретой, увозившей дорогихъ намъ Гостей. Крики „ура" насъ всѣхъ и собравшагося на набережной народа, провожали карету и несущіяся за ней тройки Свиты.

ВЪ ЗИМНЕМЪ ДВОРЦѢ.

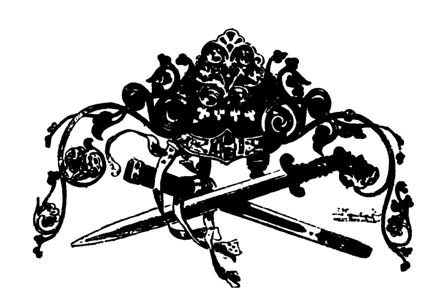
Всѣ молодые Мичманы и часть насъ добрались до Зимняго Дворца, куда ѣхалъ Государь. Здѣсь, на подъѣздѣ намъ вновь открылось Его милое доброе лицо. Какъ Онъ былъ измученъ и блѣденъ въ этотъ моментъ! До меня долетѣли Его слова — „Дѣти, какъ Вамъ не стыдно! Вѣдь вы простудитесь-смотрите, какой морозъ. Останьтесь теперь у насъ, пока Вамъ не привезутъ изъ Корпуса шинели и напейтесь горячаго чая. Передайте отъ Меня и отъ Государыни Вашимъ товарищамъ въ Корпусѣ, что мы ихъ благодаримъ, что мы тронуты оба." Только что Государь кончилъ эти слова, какъ раздались вновь крики „Мичмановъ"—„Ваше Императорское Величество ради Бога...... ради Бога." У Государя на лицѣ было видно страданіе, точно все Его существо сопротивлялось этому стихійному требованію. - „Хорошо", раздался Его грустный голосъ, — „Я распоряжусь, чтобы желающіе..........." Эти слова были заглушены криками - „всѣ, всѣ желаемъ, Ваше Императорское Величество".—„Хорошо", повторилъ Государь,—„Я распоряжусь, чтобы часть изъ Васъ была отправлена...... больше не просите у Меня. Слышите?"

Послѣ этой сцены, гдѣ мы такъ ясно увидѣли, какъ тяжело было Государю за эту горячую молодежь, мы, младшіе, прорвались сквозь ряды „Мичмановъ" и умолили Государя дать намъ Его перчатки и платокъ. Измученный до послѣдней степени, блѣдный, грустный, но ласково намъ улыбающійся, Государь далъ намъ все, что мы просили. Мы разорвали эти, драгоцѣнныя для насъ, вещи на мелкіе кусочки такъ, чтобы каждому что-нибудь досталось. Государь еще разъ приказалъ намъ немедленно войти во Дворецъ и согрѣться. Затѣмъ Онъ простился съ нами при громкихъ крикахъ „ура" насъ всѣхъ и народа, толпившагося на набережной.

Мы попали въ первый разъ во Дворецъ. Чудныя залы, длинные корридоры, какъ статуи стоящіе часовые внутренняго караула, блестящія одежды придворной прислуги-все это показалось намъ волшебной сказкой.

Намъ дали горячаго чая, дали много сластей и каждому, на память, еще по коробкѣ конфектъ. Государь къ намъ не выходилъ и Дежурный Генералъ-Адъютантъ пожурилъ насъ за то, что Государь, которому и такъ тяжело, совершенно измучился сегодня изъ за нашихъ проводовъ и криковъ и чувствуетъ себя плохо. Помню, какъ мнѣ стало стыдно, что мы въ своемъ дикомъ восторгѣ, хотя и дали вылиться нашимъ чувствамъ, оказались такими эгоистами по отношенію къ Государю.

Черезъ нѣкоторое время изъ Корпуса намъ привезли шинели и прибылъ офицеръ, который насъ всѣхъ построилъ и фронтомъ отвелъ въ Корпусъ. Тамъ насъ „пробрали" за то, что мы посмѣли выскочить изъ Корпуса, но не смотря на строгій тонъ, видно было, что начальство не сердится и только боялось, чтобы мы не простудились, или не вели бы себя слишкомъ шумно.

На учебномъ кораблѣ. У компаса.

Дивизіонъ эскадренныхъ миноносцевъ

Мичманы на Дальній Востокъ.

ГЛАВА III

Вскорѣ выяснилось, что Государь разрѣшилъ отправить небольшую часть вновь произведенныхъ мичмановъ на Востокъ. Отправились лучшіе по успѣхамъ въ наукахъ и въ поведеніи, заявивъ категорически, что это ихъ „право“ выбирать „лучшія вакансіи“.

Такъ вижу Государя въ моментъ объявленія Русско-Японской войны.

Немного времени спустя, мы опять увидѣли Его. Это было въ день торжественнаго пріема въ Зимнемъ Дворцѣ, офицеровъ и командъ крейсера „Варягъ“ и канонерской лодки „Кореецъ“.

БОЙ „ВАРЯГА“ И „КОРЕЙЦА“

„Варягъ“ и „Кореецъ“ въ началѣ войны были заблокированы, Японской эскадрой адмирала Уріу, на рейдѣ Чемульпо, въ Кореѣ. При попыткѣ прорваться, послѣ тяжелаго боя, „Варягъ“ сильно поврежденный и имѣя большія потери, затонулъ. „Кореецъ“ былъ взорванъ своимъ экипажемъ. Офицеры и команда были подобраны, стоящими на рейдѣ иностранными военны-

ми судами и доставлены въ Одессу. Государь наградилъ всѣхъ офицеровъ „Варяга" орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, назначилъ Командира „Варяга", Капитана I ранга Руднева, Своимъ Флигель-Адъютантомъ, офицеровъ „Корейца" наградилъ различными орденами съ „мечами и бантомъ", а всей командѣ обоихъ судовъ пожаловалъ „Знаки отличія Военнаго Ордена". Кромѣ того, въ день прибытія ихъ въ С. Петербургъ, Онъ пожелалъ ихъ лично видѣть у Себя въ Зимнемъ Дворцѣ.

Въ этотъ день во Дворецъ были вызваны въ полномъ составѣ, при оружіи и въ парадной формѣ Морской Кадетскій Корпусъ и батальонъ Гвардейскаго Экипажа, со знаменами и хорами музыки. Внутренній караулъ Дворца занималъ одинъ изъ полковъ 1-й Гвардейской Кавалерійской Дивизіи, кажется Кавалергарды.

ВЫСОЧАЙШІЙ ВЫХОДЪ ВЪ ЗИМНЕМЪ ДВОРЦѢ.

Мы опять во Дворцѣ. Въ Большомъ Георгіевскомъ Залѣ насъ построили спиною къ окнамъ; на правомъ флангѣ-наше знамя и хоръ музыкантовъ Лѣвѣе насъ, также со знаменемъ и хоромъ музыки, построился Гвардейскій Экипажъ. Въ сосѣднемъ „Пикетномъ" залѣ выстроился караулъ.

О размѣрахъ зала, гдѣ мы стояли, можно судить по тому, что насъ было около 700 человѣкъ, въ батальонѣ Гвардейскаго Экипажа, вѣроятно, болѣе 400, а между тѣмъ, слѣва отъ него оставалось еще, пустое мѣсто. Кромѣ того, вдоль противоположной стѣны, лицомъ къ окнамъ, выстроились всѣ высшіе чины Морскаго и Военнаго Министерствъ и офицеры войскъ Гвардіи, Флота и С. Петербургскаго Военнаго Округа, прибывшіе во Дворецъ по „назначенію ихъ начальства".

Когда мы всѣ были построены, раздалась команда „Смирно, равненіе направо. Слушай на краулъ". Нашъ хоръ заигралъ „Николаевскій" Флотскій маршъ и смолкъ, и вслѣдъ за нимъ музыканты Гвардейскаго Экипажа, подъ управленіемъ ихъ, извѣстнаго тогда въ Петербургѣ, капельмейстера, солиста Его Величества, Главача, заиграли маршъ, при началѣ котораго изъ „Пикетнаго" зала показались офицеры „Варяга" и „Корейца", имѣя во главѣ Флигель - Адъютанта, Капитана I ранга Руднева. Эта группа офицеровъ прошла мимо насъ въ Тронный залъ, гдѣ уже были собраны лица, приглашенныя по этому поводу во Дворецъ. За офицерами потянулась длинная вереница командъ „Варяга" и Корейца", идущихъ рядами. Лица матросовъ были

влажны и красны отъ смущенія и волненія; на груди каждаго виднѣлась новенькая Георгіевская ленточка съ крестомъ „Знака отличія Военнаго Ордена".

Офицеры и команды „Варяга" и "Корейца" были построены въ Тронномъ залѣ, но намъ изъ нашего зала ихъ не было видно.

Прошло нѣкоторое время. Въ обѣихъ залахъ мертвая тишина. Мимо насъ пробѣжалъ въ Тронный залъ придворный скороходъ, затѣмъ обратно. Изъ Пикетнаго зала показался Оберъ — Церемонимейстеръ Высочайшаго Двора и совершенно особымъ, отличнымъ отъ нашихъ военныхъ командъ, голосомъ сказалъ—„Ихъ Величества изволятъ слѣдовать".

Въ сосѣднемъ „Пикетномъ" залѣ послышались характерныя постукиванія по паркету палочекъ Церемонимейстеровъ Высочайшаго Двора, послышалась команда Караульнаго Начальника и въ нашъ залъ, идя по два, длинной линіей, потянулись чины Высочайшаго Двора, въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, и бѣлыхъ панталонахъ.Раздается команда „Слушай на краулъ"! Въ залѣ показывается характерная фигура Оберъ — Гофмаршала Высочайшаго Двора, Генералъ - Адъютанта, графа Бенкендорфъ. Знамена склоняются. И вотъ, появляется Государь, подъ руку съ Вдовствующей Императрицей. Немного въ сторонѣ, за Государемъ. Его Камеръ Пажъ, Министръ Императорскаго Двора и Удѣловъ и Свита. За Государемъ идетъ Государыня, подъ руку со старшимъ изъ Великихъ Князей затѣмъ, всѣ бывшіе въ С. Петербургѣ Великія Княгини и Великіе Князья, далѣе Придворныя дамы подъ руку съ различными Высшими Чинами Двора.

Шлейфы Государынь и Великихъ Княгинь несутъ Камеръ — Пажи въ придворныхъ формахъ.

Государь здоровается съ нами и съ батальономъ Гвардейскаго Экипажа. Оркестры играютъ „Боже Царя Храни" и величественное шествіе поворачиваетъ въ Тронный Залъ, откуда слышны отвѣты на привѣтствіе Государя командъ „Варяга" и „Корейца".

Такъ мнѣ впервые пришлось видѣть Высочайшій Выходъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Это была такая красота, которую вѣроятно, можно было видѣть только въ Россіи. И въ этой роскошной рамкѣ я вновь увидѣлъ тѣ же знакомые, такіе добрые глаза Государя. Въ этотъ день они были радостны. Онъ былъ счастливъ видѣть въ офицерахъ и командахъ „Варяга" и „Корейца" героевъ, достойныхъ Россіи.

Въ Тронномъ залѣ служился торжественный благодарственный молебенъ о спасеніи гостей Царя отъ гибели въ бою. Затѣмъ —панихида о „воинахъ въ бою и въ морѣ за Вѣру, Царя и Отечество животъ свой положившихъ" и молебенъ о дарованіи побѣды Русскому оружію. Церемонія въ Тронномъ Залѣ кончилась. Послышался отвѣтъ

командъ „Варяга и „Корейца"—„Покорно благодаримъ, Ваше Императорское Величество"!—„Рады стараться, Ваше Императорское Величество!" Государь, какъ мнѣ сказали, обратился къ командамъ съ очень теплыми словами, благодаря ихъ отъ имени Своего и Россіи за то, что они дрались въ бою, какъ подобаетъ Русскому матросу, не щадя своей жизни и помня о Россіи

Такъ Царь принималъ офицеровъ и матросовъ тѣхъ кораблей, имя которыхъ тогда было на устахъ всей Россіи и которые считались ея героями.

Началось обратное шествіе Государя, Государынь и Свиты во „внутренніе покои" Дворца. У насъ въ залѣ опять та же сцена и команды, опять звуки гимна. Государь простился съ нами, пожелалъ намъ учиться и расти на славу и гордость Россіи. Потомъ онъ крѣпко, съ какимъ —то особымъ выраженіемъ лица, пожалъ руку нашему Директору*) и чудное шествіе стало уходить отъ насъ черезъ „Пикетный" залъ. „Высочайшій Выходъ" кончился. Изъ Троннаго зала прошло духовенство, Высшіе чины Имперіи, Придворная Пѣвческая Капелла въ красивыхъ красныхъ кафтанахъ и снова, подъ звуки марша, потянулись передъ нами ряды матросовъ „Варяга" и „Корейца". На глазахъ многихъ изъ нихъ я замѣтилъ слезы, на всѣхъ лицахъ было видно сильное волненіе. Что было въ душѣ этихъ Русскихъ крестьянъ, побывавшихъ въ гостяхъ у Царя? Кто сможетъ правдиво сказать, что они принесли отсюда изъ этого дивнаго Дворца въ свои деревни?

ВЕЛИЧІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССІИ.

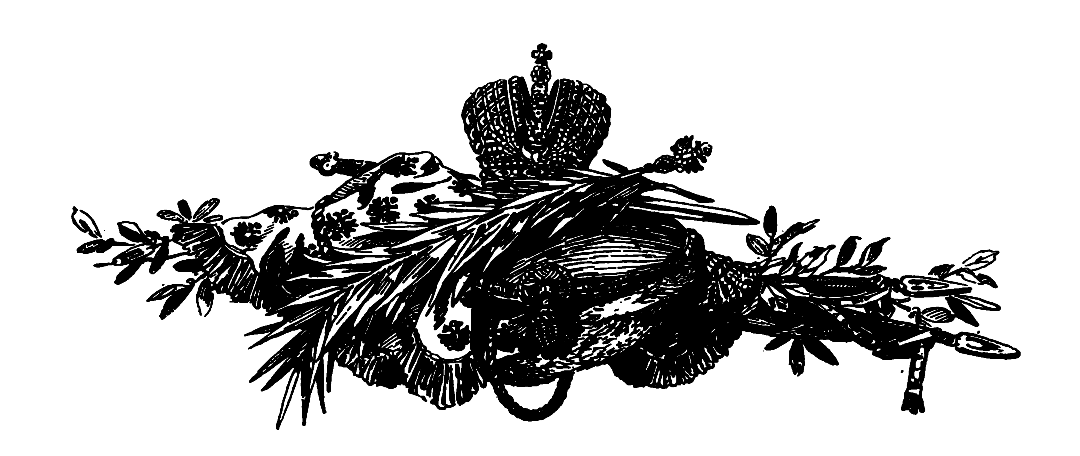
Не знаю, не берусь судить, — но единственно, что безусловно для меня ясно, что то, что на моихъ глазахъ было сдѣлано „для народа" въ этомъ Высочайшемъ пріемѣ матросовъ „Варяга" и „Корейца", безконечно величественнѣе, красивѣе, достойнѣе, и правдивѣе тѣхъ многихъ "народныхъ" торжествъ которыя мнѣ пришлось видѣть въ другихъ странахъ міра. Вѣдь, кромѣ матросовъ съ „Варяга" и „Корейца", числомъ около 500 человѣкъ часть этой церемоніи на улицахъ, Петербурга, видѣли несмѣтныя толпы народа. Наконецъ, ради этихъ же героевъ „Варяга" и „Корейца", начиная отъ Николаевскаго вокзала и до Зимняго Дворца, были выстроены шпалерами, по обѣимъ сторо-

*) Нашъ Директоръ, Контръ - Адмиралъ Г. П. Чухнинъ, въ день пріема офицеровъ и командъ „Варяга" и „Корейца", былъ произведенъ въ вице - адмиралы и назначенъ Главнымъ Командиромъ Флота и Портовъ Чернаго моря· на этомъ посту онъ былъ убитъ во время „революціи" 1906 г.

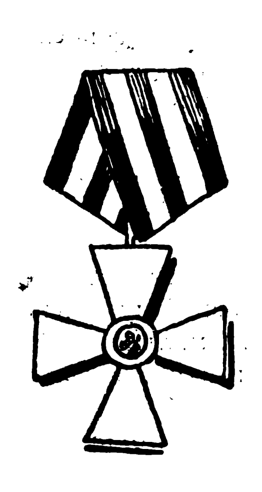
Камеръ - Пажъ въ Придворной формѣ.

намъ Невскаго проспекта войска Императорской Гвардіи, и эти матросы, на виду у войскъ и народа, до самаго Дворца шли подъ звуки военныхъ оркестровъ, хоровъ трубачей гвардейской кавалеріи и подъ крики „ура“ въ ихъ честь. Я нѣсколько подробнѣе остановился на описаніи этихъ торжествъ, ибо даже въ кругахъ, ближе знавшихъ жизнь Государя и Его Семьи, судя по внѣшнему впечатлѣнію, создавалось убѣжденіе, что существовалъ Царь и „мы“, то есть высшее сословіе Россіи, а затѣмъ „они“, то есть крестьяне, рабочіе, простые Русскіе люди; что Царь былъ для „насъ“, а для „нихъ“ было, въ лучшемъ случаѣ, право „посмотрѣть“ на то, какъ „хорошо“ живутъ Царь и „мы“. Въ описанномъ мною торжествѣ читатель видитъ какъ разъ обратное. Въ день „Варяга“ и „Корейца“ и Царь и Его Семья, и высшіе сановники Имперіи, и чудный Дворецъ и войска вся эта красота были для „нихъ“. Мнѣ кажется, что одна эта сцена должна намъ всѣмъ показать, что и Царь и „мы“ и „они“—все это было для насъ ВСѢХЪ, все это было НАШЕ и типично НАШЕ. Эта красота теперь отъ насъ всѣхъ отнята .. что же дано взамѣнъ ея? Вѣдь красота эта насъ всѣхъ поднимала выше обычной будничной пошлости, свойственной всему человѣчеству, тогда какъ типично „народныя“, якобы подлинныя, развлеченія и церемоніи, наоборотъ, принижаютъ и давятъ каждаго—и „насъ“ и „ихъ. Разрушить эту красоту какъ все тонкое и духовное, было легко, но создать взамѣнъ ея что нибудь подобное, врядъ-ли возможно, ибо эта красота—продуктъ вѣковой работы, таланта, вкуса и чуткости цѣлаго ряда поколѣній Русскаго народа.

Конецъ Русско-Японской войны.

ГЛАВА IV

Неудачная Русско — Японская война, сравнительно выгодный для насъ миръ въ Портсмутѣ, „освободительное движеніе" 1905 года — всѣ эти событія застали меня воспитанникомъ Морского Кадетскаго Корпуса.

Не было больше красивыхъ „Майскихъ Парадовъ"; Государь почти не бывалъ въ С. Петербургѣ, рѣдко Его видѣли и мы. Государь почти все время жилъ въ Царскомъ Селѣ. Лично мнѣ, да и то издали, пришлось Его видѣть только разъ въ окнѣ Зимняго Дворца, когда Морской Кадетскій Корпусъ проходилъ по набережной, идя на „военную прогулку съ музыкой" и еще разъ, когда Государь проѣхалъ по Садовой, въ Пажескій Его Величества Корпусъ.

Когда я былъ уже младшимъ Гардемариномъ и унтеръ — офицеромъ въ одной изъ младшихъ ротъ, нашъ Корпусъ былъ вызванъ въ Царское Село на „Высочайшій смотръ".

———

СМОТРЪ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Для насъ былъ поданъ спеціальный „эшелонъ", поѣздъ, состоящій изъ вагоновъ третьяго класса для насъ и одного вагона второго класса для офицеровъ. Для того, чтобы насъ накормить послѣ смотра, изъ Корпуса съ собою былъ взятъ запасъ холодныхъ котлетъ и свѣжія булки, о которыхъ мы мечтали всю дорогу, ибо морозный день, „походъ" на Царскосельскій вокзалъ съ музыкой по улицамъ С. Петербурга и, наконецъ, сами наши молодые организмы уже на вокзалѣ заставили насъ всѣхъ проголодаться. Эшелонъ погрузили и нашъ поѣздъ по „Царской вѣткѣ" отошелъ въ Царское Село. Тамъ насъ привели въ манежъ Л. Гв. Гусарскаго Его Величества полка, гдѣ долженъ былъ происходить смотръ. Въ манежѣ мы построились,

„дядьки“,*) со щетками и тряпками пробѣжали по рядамъ, чтобы „окончательно“ почистить намъ сапоги и платье. Долго насъ выравнивали.

Наконецъ, „махальный“ показалъ рукой, что Государь ѣдетъ. По рядамъ пробѣжалъ знакомый нервный трепетъ, послышался звукъ лязгнувшаго штыка, нѣсколько вздоховъ въ оркестрѣ музыкантовъ, готовившихъ „грудь“ для начала гимна. Въ воротахъ манежа послышалась команда „Смирно, равненіе направо, слушай на краулъ“ и показался Государь, въ пальто, въ морской формѣ. За нимъ Дежурство Свиты, состоящей въ этотъ день изъ морскихъ офицеровъ.

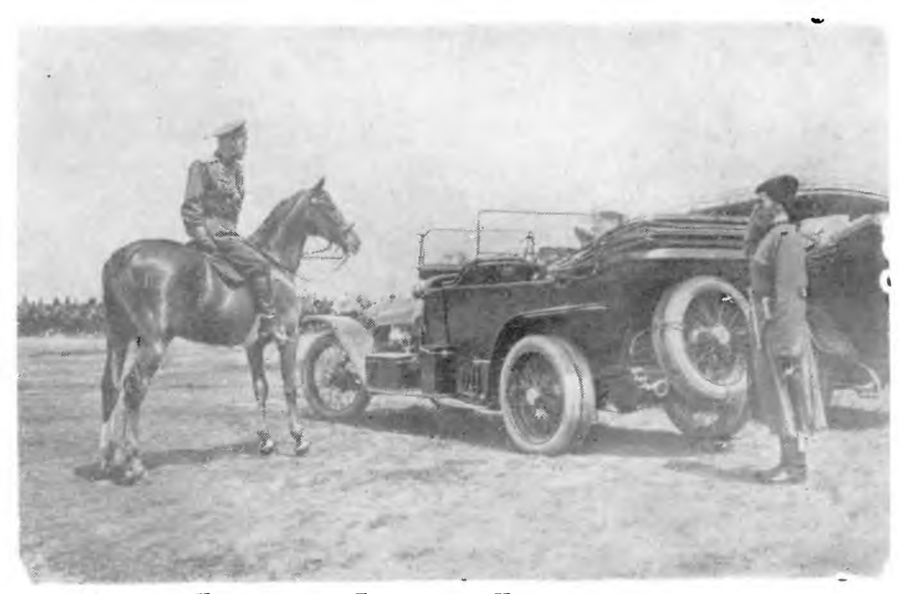
Склонилось знамя и вновь дорогой намъ голосъ здоровается съ правофланговой ротой, опять бодрые четкіе отвѣты ротъ и звуки гимна.

Государь проходитъ по фронту и затѣмъ вызываетъ отдѣльныя роты на показныя ученья. Особенно понравилось Ему ученье маленькой 5-й роты, впервые получившей ружья. Эти малыши дѣйствительно продѣлали все ученье удивительно бодро и отчетливо. Начался церемоніальный маршъ „по ротно“, потомъ „по батальонно“. Государь вновь проходитъ по фронту, прощаясь съ нами. Больше мы Его не увидимъ. Мы жадно провожаемъ Его глазами... Вдругъ, уже въ воротахъ манежа, Государь останавливается и обращаясь къ нашему новому Директору, Флигель - Адъютанту, Капитану I ранга С. А. Воеводскому, говоритъ — „Степанъ Аркадьевичъ, дѣти навѣрное проголодались, приведите ихъ ко Мнѣ черезъ полъ часа, завтракать.“ — „Есть, Ваше Императорское Величество“, раздается голосъ Директора и, когда Государь выходитъ, слышна команда „Къ ноги! Составь!“ Винтовки составляются въ козлы, раздается команда „Снять амуницію“. Мы снимаемъ патронныя сумки и отстегиваемъ палаши. Послѣ этого дядьки вновь пробѣгаютъ по рядамъ, чтобы еще разъ почистить наше платье и сапоги, немного запыленные манежной пылью во время парада. И вотъ, мы опять построились и „справа по отдѣленіямъ“, имѣя въ головѣ оркестръ музыки, длинной колонной потянулись къ Александровскому Дворцу.

ЗАВТРАКЪ ВО ДВОРЦѢ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Чудный паркъ и бѣлый красивый Дворецъ въ строгомъ стилѣ „Ампиръ“... Мы идемъ по аллеѣ Дворцоваго парка и подходимъ къ подъѣзду Дворца. Чистимъ сапоги при входѣ, перестраиваемся ря-

*) Матросъ, исполняющій роль няньки.

Государь Императоръ и Государыня Императрица на смотру войскъ.

дами, и длинной змѣей втягиваемся во Дворецъ. Вѣдь насъ около 700 человѣкъ, не такъ-то просто покормить этихъ „дѣтей". Идемъ широкими корридорами и подходимъ къ запертымъ дверямъ зала, у которыхъ стоитъ въ блестящей формѣ придворный лакей. Колонна останавливается. Нашъ оркестръ проходитъ куда то въ боковыя двери и оттуда на хоры. Двери зала открываются и мы видимъ, точно по мановенію волшебной палочки — сцену изъ „Тысячи и одной ночи".

Громадный, чудной красоты бѣлый залъ, уставленъ длинными рядами столовъ. Вдоль стѣнъ стоятъ ряды блестяще одѣтой придворной прислуги. А на столахъ.. Мы, мечтавшіе скромно о „котлеткѣ съ булкой", просто растерялись отъ роскоши ихъ убранства.

Чудная посуда, гирлянды живыхъ цвѣтовъ, хрусталь вазъ съ фруктами и конфектами, и кушанья, но какія кушанья! — Холодные осетры, поросенокъ „подъ хрѣномъ", холодная индѣйка, ветчина, телятина и т. д. На этихъ громадныхъ столахъ съ бѣлоснѣжными скатертями, стояли приборы по числу насъ и у каждаго прибора видна была коробка конфектъ Придворной Конфектной фабрики, съ чернымъ двуглавымъ орломъ на крышкѣ. Насъ подвели къ столамъ. Завтракъ былъ „а ла фуршетъ". Когда насъ разставили, двери съ противоположной стороны зала открылись и вошли Государь и Государыня. Мы замерли въ положеніи „смирно", стоя каждый у своего прибора. Государь и Государыня обернулись въ сторону Образа Спасителя, находящагося въ углу зала. Мы, какъ обычно это было у насъ въ Корпусѣ передъ обѣдомъ и ужиномъ, запѣли—„Очи всѣхъ на Тя Господи уповаютъ и Ты даеши имъ пищу во благовременіи, отверзаеши щедрую руку Твою и исполняеши всякое животно благоволенія". Государь и Государыня перекрестились и мы начали завтракать. Съ хоръ понеслись звуки нашего оркестра, играющаго поппури изъ оперы „Русланъ и Людмила".

Государь и Государыня разошлись въ разныя стороны и начали обходить съ одной и съ другой стороны всѣ столы, останавливаясь около каждаго кадета и гардемарина и разговаривая съ ними.

Завтракъ конченъ. Мы счастливы и сыты, а главное наполнены всѣ этой красотой, окружавшей Царя и Царицу, нашей, общей для всѣхъ насъ, Русской Красотой и Величіемъ.

Государь и Государыня вновь молитвенно обращаются къ образу и мы поемъ — „Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ, яко насытилъ еси насъ земныхъ Твоихъ благъ, не лиши насъ и Небеснаго Твоего Царствія."

Государь прощается съ нами, нашъ громкій отвѣтъ, звуки музыки съ хоръ „Боже Царя храни"... Гимнъ подхваченъ нами и Государь и Государыня выходятъ. Мы въ залѣ одни, но вновь чув-

ствуемъ себя поднятыми надъ буднями. Мы, какъ во снѣ и въ то же время нигдѣ, кромѣ Россіи нѣтъ и не можетъ быть такой волшебной реальности. Развѣ можно это забыть?!

ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ ЦАРСКАГО СЕЛА.

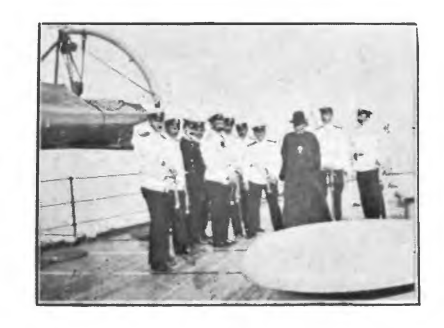
Насъ опять рядами выводятъ изъ Дворца и мы идемъ въ манежъ. Тамъ одѣваемъ амуницію, разбираемъ винтовки. Сейчасъ надо идти на вокзалъ. Сказка кончена. Началась обычная трудовая жизнь.. Но нѣтъ, въ манежъ входитъ дежурный флигель - адъютантъ, что-то говоритъ Директору и затѣмъ по рядамъ проносится слухъ что Государь хочетъ насъ еще видѣть. Гдѣ? Какъ? Неизвѣстно.. Мы выходимъ изъ манежа, строимся. Слышна команда—„На плечо! Отдѣленіями правое плечо впередъ". Насъ ведутъ опять въ сторону Дворца. Музыка, какъ на зло играетъ какой-то избитый маршъ. Помню, какъ у меня мелькнула досадная мысль — почему играютъ такой плохой маршъ около Дворца. Я думалъ, что мы пройдемъ мимо Дворца и Государь простится съ нами съ балкона. Но нѣтъ, мы подходимъ къ воротамъ парка. Музыка смолкаетъ, начинаютъ играть горнисты и барабанщики. По лицамъ, идущихъ около меня кадетъ я вижу, что они недоумѣваютъ въ чемъ дѣло, вѣроятно предполагая тоже, что и я. Мы входимъ въ роскошный паркъ, идемъ по аллеѣ. Навстрѣчу намъ попадаются два конныхъ казака Конвоя Его Величества въ буркахъ и папахахъ, которые становятся на обочину, чтобы пропустить нашу колонну. Горнисты и барабанщики рѣзко обрываютъ „бой", въ паркѣ гулко раздается ровный шагъ 700 человѣкъ. Въ оркестрѣ слышенъ рокотъ и ударъ большого турецкаго барабана и вдругъ весь паркъ оглашается бодрыми, лихими звуками „старо — егерскаго" марша. Звонко поютъ корнеты, ухаютъ баритоны и трубы, нѣжно выводятъ мелодію марша деревянные инструменты. Мы знали, что Государь любитъ этотъ маршъ, любили его и мы. Но куда насъ ведутъ? Голова колонны поворачиваетъ влѣво и передъ нами открывается картина задняго фасада дворца, усыпанныя пескомъ аллеи, клумбы, занесенныя серебристымъ снѣгомъ, зеленыя сосны и бѣлыя стѣны Дворца.

ВЪ ЦАРСКОСЕЛЬСКОМЪ ПАРКѢ.

Государь, и Великія Княжны Ольга, Татьяна, Марія и Анастасія Николаевны стоятъ около аллеи, по которой мы должны пройти. Гдѣ же Государыня? Я вижу, какъ глаза всѣхъ невольно Ее ищутъ. Въ окнѣ Дворца мы видимъ Ея фигуру. Морозъ. Слишкомъ холодно для маленькаго Наслѣдника быть на воздухѣ и ждать, пока мы всѣ пройдемъ. Мы видимъ впервые малютку Наслѣдника на рукахъ Его Матери. Она улыбается намъ. Смѣются и Великія Княжны и видно, какъ радость разливается по лицамъ, идущихъ мимо Нихъ гардемаринъ и кадетъ.

Вотъ почему Государь насъ снова позвалъ къ Себѣ. Онъ хотѣлъ видѣть насъ среди Своей Семьи. Онъ хотѣлъ намъ показать „нашего" Крестника, только что зачисленнаго въ списки Флота.

Мы, отбивая шагъ, стройно и бодро, радостные и счастливые проходимъ мимо Царя. Раздаются отвѣты ротъ — „Счастливо оставаться Ваше Императорское Величество". Музыка вновь подхватываетъ „старо-егерскій" маршъ и мы выходимъ изъ парка на улицу. Вокзалъ... Поѣздъ... Наши котлеты и булки пріѣхали не съѣденными. Въ этотъ день мы распущены на три дня, родные дома слушаютъ наши разсказы о смотрѣ и ѣдятъ, подаренныя намъ, вкусныя Царскія конфекты.

Ея Императорское Величество
Государыня Императрица
Александра Θеодоровна.

Наслѣдникъ Цесаревичъ въ
младенческомъ возрастѣ.

Ихъ Императорскія Высочества Великія Княжны
Ольга, Татьяна, Марія и Анастасія Николаевны.

Учебное судно „Воинъ“.

Одинъ изъ кораблей, назначенный для плаванья съ корабельными гардемаринами.

На „Алмазѣ".

ГЛАВА V

Государь Императоръ на яхтѣ.

Прошли еще годы. Конченъ Корпусъ. По новому положенію насъ уже не производили въ Мичманы, мы не имѣли радости видѣть Государя при производствѣ. Мы были произведены въ „Корабельные Гардемарины" и ушли на годъ въ плаваніе, причемъ большую часть его провели заграницей.

Новыя страны, изученіе иностранныхъ флотовъ и иностранной морской техники... Мы учились и одновременно несли судовую службу.

Въ Мичманы насъ произвели на корабляхъ, по окончаніи заграничнаго плаванія и затѣмъ уже разослали по разнымъ морямъ.

ВПЕРВЫЕ НА ЯХТѢ.

Я попалъ „вахтеннымъ начальникомъ" на яхту „Алмазъ". Красивый корабль. Каюты, точно игрушки, отдѣланы, какъ на самомъ лучшемъ пассажирскомъ пароходѣ — громадныя помѣщенія для „штабовъ" и „Адмирала". „Алмазъ" строился въ предположеніи быть яхтой Намѣстника Его Величества на Дальнемъ Востокѣ.

Для меня, послѣ года тяжелой службы и работы въ роли корабельнаго гардемарина, плаванье на „Алмазѣ" было отдыхомъ. Самой же большой радостью было то, что осенью 1908 года, „Алмазъ" былъ назначенъ въ „Охрану" Императорской яхты „Штандартъ", которая стояла въ это время на рейдѣ Питкопасъ въ Финляндскихъ шхерахъ и на которой находились Государь, Государыня и Ихъ Дѣти.

„Алмазъ“ долженъ былъ доставлять на рейдъ Питкопасъ Министровъ и другихъ Высшихъ Чиновъ Имперіи, имѣющихъ срочный докладъ, или вызванныхъ къ Государю.

На рейдѣ Питкопасъ, куда мы пришли въ августѣ 1908 года, мы застали Императорскую яхту „Штандартъ“, подъ брейдъ-вымпеломъ Государя Императора, Императорскія яхты — „Полярная Звѣзда“ и „Александрія“, посыльныя суда „Азія“, „Дозорный“ и „Развѣдчикъ“, одинъ дивизіонъ эскадренныхъ миноносцевъ 1-й Минной дивизіи и одинъ дивизіонъ миноносцевъ 2-ой Минной дивизіи.

Миноносцы окружали „Штандартъ“ такимъ образомъ, что-бы за ихъ кругъ не могли заходить никакія постороннія суда, даже рыбачьи лодки. „Алмазъ“ и другія суда охраны стояли вокругъ „Штандарта“, внутри круга миноносцевъ. На сосѣднихъ островахъ были разставлены посты сухопутной охраны.

Здѣсь, на этомъ рейдѣ, мнѣ пришлось вновь увидѣть Государя и Его Семью и на себѣ лично испытать доброту и чуткость Государя въ дѣлѣ личнаго горя маленькаго офицера, какимъ я былъ тогда. Произошло это такъ.

Однажды ночью, смѣняя съ вахты Лейтенанта Де - Ливронъ, я принялъ отъ него сообщеніе, что былъ сигналъ со „Штандарта“, предписывающій — „къ 8 - ми часамъ утра имѣть пары для малаго хода „Полярной Звѣздѣ“, „Азіи“, „Дозорному“ и „Развѣдчику“. Лейтенантъ Де-Ливронъ передалъ мнѣ, что такъ какъ сигналъ ничего не говоритъ о „Штандартѣ“, объ „Алмазѣ“ и о миноносцахъ, то онъ насъ или не касается или, что вѣроятнѣе, будетъ его дополненіе, почему онъ командиру о сигналѣ на докладывалъ. Я прождалъ до 4-хъ часовъ утра, дополненія къ сигналу не было и я передалъ, смѣнившему меня офицеру, тоже самое, что получилъ отъ предыдущаго Вахтеннаго Начальника.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Θеодоровна.

ПЕРЕПУТАННЫЙ СИГНАЛЪ.

Утромъ, въ 8 часовъ утра мы всѣ отправились съ командиромъ на общее шлюпочное ученье. Всѣ шлюпки были спущены и мы отошли очень далеко отъ „Алмаза“. Вдругъ, на „Алмазѣ“, мы видимъ сигналъ, требующій немедленнаго возвращенія шлюпокъ. Затѣмъ, къ нашему ужасу, мы видимъ, что вся эскадра снимается съ якоря и куда-то идетъ. „Алмазъ“ однако, остается на мѣстѣ. Сердце мое сжалось отъ ужаса и отъ предчувствія, что этотъ скандалъ произошелъ изъ-за меня.

На „Алмазѣ“ мы выяснили, что на „Штандартѣ“ былъ поднятъ сигналъ „Сняться съ якоря“, затѣмъ семафоръ на „Алмазъ“ — „въ чемъ дѣло“?

Читатель можетъ себѣ представить отчаяніе Командира, всѣхъ офицеровъ и особенно меня, который оказался виновникомъ этого ужаса. Командиръ сразу же посадилъ меня въ „каюту съ приставленіемъ часового“ и приказалъ арестовать сигнальщиковъ, которые стояли вахту со мной. Пары были подняты, какъ только можно было скорѣе и мы догнали эскадру, которая за это время перешла на другое мѣсто и стала на якорь.

ПОДЪ АРЕСТОМЪ.

Я, въ полномъ отчаяніи сидѣлъ арестованнымъ въ моей каютѣ, съ ужасомъ сознавая, что корабль опозорился передъ Государемъ изъ-за меня. Что дѣлать? Жить послѣ этого нельзя... Вдругъ, я слышу, что убираютъ часового отъ моей каюты и меня вызываютъ къ командиру. Послѣдній говоритъ мнѣ, что онъ былъ вызванъ на „Штандартъ“, гдѣ Флагъ - Капитанъ Его Величества сдѣлалъ ему выговоръ. Командиръ, чувствуя, что произошла какая-то путаница, вмѣстѣ съ Флагъ - Офицерами разобрался по сигнальному журналу „Штандарта“ и выяснилось, что изъ Штаба были даны два сигнала— первый, описанный выше, который мы и приняли и второй, который касался „Штандарта“, „Алмаза“ и миноносцевъ, для которыхъ пары надо было имѣть позже на полъ часа, по ошибкѣ, переданъ не былъ; такъ какъ на миноносцахъ пары для малаго хода уже были, ибо они и на якорѣ имѣли всегда одинъ котелъ подъ парами, то значитъ этотъ сигналъ не могли выполнить только мы одни. Когда это выяснилось, все было доложено Государю и Государь, узнавъ, что аре-

стованы я и стоявшіе со мною вахту сигнальщики, приказалъ командиру немедленно вернуться на „Алмазъ“, выпустить изъ подъ ареста и меня и сигнальщиковъ, и передать мнѣ и имъ, что Государь лично освобождаетъ насъ и не считаетъ ни въ чемъ виновными. Для меня это было громаднымъ утѣшеніемъ. Точно камень упалъ съ сердца.

Но Государь этимъ не ограничился. Ему хотѣлось подчеркнуть, что Онъ не считаетъ виновными не только отдѣльныхъ людей, но и весь корабль. Кромѣ того Онъ сердцемъ понялъ, что долженъ былъ испытать только-что произведенный Мичманъ, оплошавъ въ такомъ дѣлѣ, какъ выполненіе сигналовъ, да еще изъ-подъ Брейдъ — Вымпела Его Величества.

ПРИГЛАШЕНІЕ НА ОХОТУ.

Черезъ нѣсколько дней Командиръ „Алмаза“ и я получили приглашеніе: „Государь Императоръ приглашаетъ Васъ на охоту—форма одежды произвольная“.

На этой, первой моей охотѣ въ присутствіи Государя я имѣлъ возможность быть совсѣмъ близко къ Нему. Вмѣстѣ съ Нимъ мы шли въ лѣсу, съ Нимъ сидѣли послѣ охоты на лужайкѣ. Съ нами были и всѣ четыре Великія Княжны. Государь ни слова не сказалъ о случаѣ съ сигналомъ, но точно подчеркивая, что Онъ не сердится и не считаетъ меня виновнымъ, Онъ нѣсколько разъ подзывалъ меня къ Себѣ и говорилъ со мною. Эта охота была для меня — счастьемъ, заставивъ забыть о нравственныхъ мукахъ, испытанныхъ нѣсколько дней тому назадъ.

ГОСУДАРЬ НА „АЛМАЗѢ“.

Но Государь и на этомъ не остановился. Черезъ нѣсколько дней со „Штандарта“ передали по семафору, что „въ 5 часовъ дня Ихъ Величества прибудутъ на „Алмазъ“ пить чай“. Это показало уже всей командѣ „Алмаза“, что Государь на насъ не сердится и не считаетъ насъ виновными. Радость теперь уже была общей, для ВСЕГО КОРАБЛЯ.

Надо было быть болѣе, чѣмъ чуткимъ и нѣжнымъ человѣкомъ,

чтобы понять, какъ мучительно было для насъ „осрамиться" на глазахъ всей эскадры, да еще когда на эскадрѣ находился Государь.

Я не забуду, когда послѣ этого „семафора" я прошелъ по палубѣ и видѣлъ суетливо переодѣвавшуюся „во все чистое" команду. У старыхъ боцмановъ на глазахъ были слезы. Команда, радостно-возбужденная, разсуждала, что молъ „Государь къ намъ ѣдетъ чай пить, значитъ простилъ, не сердится, что мы тогда „подгадили". Такія фразы раздавались въ разныхъ мѣстахъ командной палубы.

Чай былъ сервированъ у насъ въ Каютъ — Компаніи, скромно и просто.

Ровно въ 5-ть часовъ, отъ „Штандарта" отвалилъ паровой катеръ съ Государемъ, Государыней, Великими Княжнами и Наслѣдникомъ.

Обходя фронтъ команды, Государь останавливался у всѣхъ тѣхъ, на груди которыхъ видѣлъ „Знаки Отличія военнаго Ордена". „Алмазъ" былъ единственнымъ большимъ кораблемъ, которому удалось прорваться во Владивостокъ изъ Цусимскаго боя, и почти всѣ сверхсрочно служащіе боцманы и унтеръ-офицеры были героями этого прорыва. Государь говорилъ съ ними, ласково распрашивая про ихъ семьи, про ихъ службу. Пробыла у насъ Царская Семья около 2-хъ часовъ. Государь подробно осматривалъ корабль. Между прочимъ, Государынѣ очень хотѣлось пойти на „Алмазѣ" на острова Мадеру и Корфу, куда Ее на зиму отправляли врачи. Она обратилась къ Государю и скромно спросила, возможно ли будетъ Ей совершить такое плаваніе. Государь отвѣтилъ, что Ему надо поговорить съ Морскимъ Министромъ и подумать, не будетъ ли это очень дорого. Фактически это плаванье Государыни такъ и не состоялось. Не знаю почему — можетъ быть потому, что это было найдено дорого.

Послѣ осмотра корабля, Государь и Государыня собрались уѣзжать на „Штандартъ". Обходя фронтъ офицеровъ, Государь вдругъ остановился противъ меня, взялъ меня за пуговицу кителя и, обращаясь къ Флагъ-Капитану, спросилъ—„Кого вы рѣшили назначить на „Штандартъ" вмѣсто Саблина?" (Старшій Лейтенантъ Саблинъ уходилъ въ плаванье на крейсерѣ „Олегъ"). Флагъ-Капитанъ отвѣтилъ, что офицеръ еще не назначенъ, но предполагалось взять такого-то съ „Александріи", такъ какъ „Полярная Звѣзда" (яхта Вдовствующей Императрицы, Августѣйшаго Шефа Гвардейскаго Экипажа) скоро уходитъ заграницу. Оба эти корабля, какъ и „Штандартъ", были Гвардейскаго Экипажа и естественно переводъ на „Штандартъ" долженъ былъ бы быть съ этихъ кораблей.

Выслушавъ отвѣтъ Флагъ-Капитана, Государь пристально посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза Своимъ удивительнымъ взглядомъ, въ которомъ я прочелъ и безконечную ласку и радость и

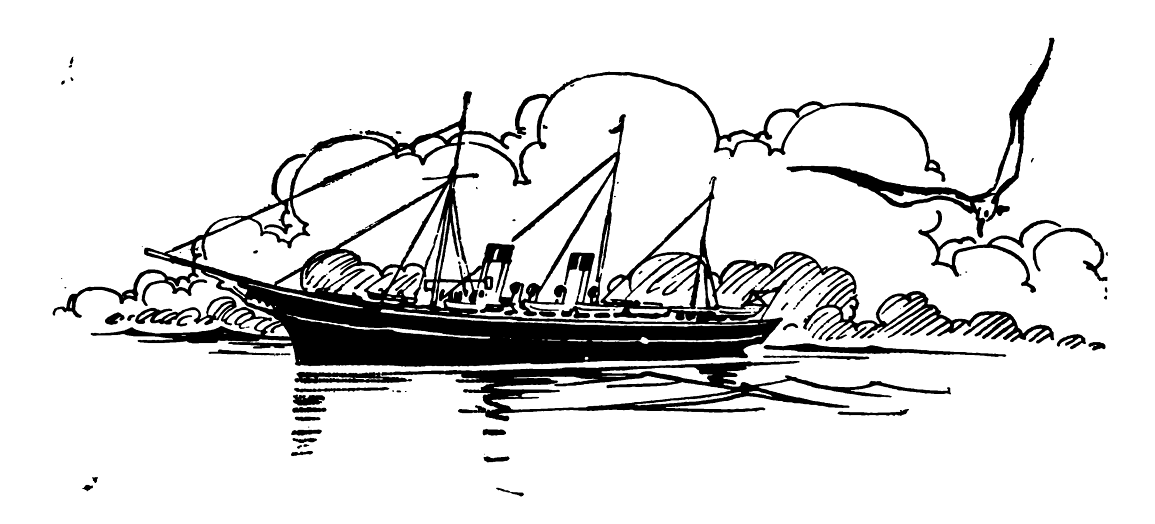

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Өеодоровна. Августѣйшій Шефъ Гвардейскаго Экипажа.

точно насмѣшку, и, обернувшись къ Флагъ-Капитану, сказалъ — „а Я хочу, чтобы на „Штандартъ“ былъ назначенъ Мичманъ Апрѣлевъ“.

Черезъ полъ-часа послѣ отъѣзда Государя на „Штандартѣ“ взвился сигналъ, извѣщающій, что „Мичманъ Апрѣлевъ переводится съ яхты „Алмазъ“ на Императорскую яхту „Штандартъ“. За мной вскорѣ пришелъ катеръ и перевезъ меня на „Штандартъ“.

Назначеніе на „Штандартъ".

ГЛАВА VI

Назначеніе Вахтеннымъ Начальникомъ на „Штандартъ", куда на эту должность назначались, обыкновенно, лишь опытные старые лейтенанты Гвардейскаго Экипажа, для меня было не только повышеніемъ по службѣ, но счастьемъ, о которомъ я вообще не могъ мечтать, въ особенности же послѣ моего скандала съ сигналомъ. Несмотря на все, я не могъ не чувствовать, что какъ офицеръ, я оказался плохимъ и что я не достоинъ того, чтобы стоять самостоятельно вахту. Между тѣмъ, моимъ переводомъ на „Штандартъ", Государь, молча, никогда не говоря мнѣ, о бывшемъ со мной случаѣ, далъ мнѣ понять, что Онъ, не только меня простилъ, но что Онъ Самъ считаетъ меня достойнымъ быть Вахтеннымъ Начальникомъ даже на „Штандартѣ". Считаетъ меня достойнымъ той должности которую даже формально я не могъ еще занимать. Это проявленіе необыкновенной чуткости Государя переходитъ границы обычной человѣческой доброты, вниманія и ласки. Такую чуткость можетъ проявить только человѣкъ родной, только отецъ, который при промахѣ своего сына, самъ страдаетъ отъ того чувства стыда и вины, которое испытываетъ его сынъ.

Государь, занятый массой дѣлъ, уставшій отъ кипѣвшей вокругъ него борьбы, озабоченный грозными событіями, которыя тогда угрожали и извнѣ и внутри спокойствію Россіи, просто понялъ и почувствовалъ личное, незамѣтное для другихъ, страданіе молодого офицера и такъ ласково устранилъ это страданіе. На меня лично, этотъ случай на всю жизнь положилъ печать сознанія важности работать — по совѣсти, для дѣла, а не для карьеры.

Этотъ именно случай далъ мнѣ возможность увидѣть Государя такимъ, какимъ Онъ былъ въ дѣйствительности, а не такимъ, какимъ Его рисуютъ или рисовали часто Его друзья и недруги.

ДУХОВНЫЙ ОБЛИКЪ ГОСУДАРЯ.

Благодаря тому, что я попалъ на „Штандартъ", мнѣ удалось увидѣть жизнь Государя и Государыни просто, какъ жизнь людей' окруженныхъ обожаемыми ими Дѣтьми, пользующихся недолгимъ отдыхомъ въ шхерахъ на „Штандартѣ" и имѣвшихъ гораздо больше заботъ и горестей, чѣмъ многіе и многіе изъ ихъ подданныхъ.

Горести эти, о которыхъ можетъ быть Они и не говорили никому, были часто видны на „Штандартѣ"; но что болѣе всего бросалось въ глаза, — это дѣйствительно, въ самую жизнь ихъ проникнувшее сознаніе, что Они живутъ не для Себя, что вся эта роскошь не для Нихъ, а что и Они и все, что ихъ окружаетъ, принадлежитъ Россіи, служитъ на ея пользу и для ея славы.

Много ли изъ насъ грѣшныхъ, не говоря уже объ „идеалистахъ" революціи, могли бы честно сказать, что они жили для Россіи? — Не думаю. Другой вопросъ, кто изъ нихъ, и какъ понималъ это служеніе. Вѣрно ли было это пониманіе? Въ такомъ ли видѣ было нужно Россіи это служеніе? — всѣ эти вопросы лежатъ внѣ моей компетенціи и не являются задачами этихъ записокъ. Но то, что Государь и Государыня, за время моего пребыванія на „Штандартѣ" жили Россіей и для нея - это я видѣлъ самъ и не могу не подчеркнуть.

Два мѣсяца, что я провелъ около Царской Семьи, полны воспоминаній для меня. Нѣкоторыя изъ нихъ настолько изумительны, что я считалъ бы прямо грѣхомъ скрыть ихъ, тѣмъ болѣе, что еще разъ повторяю, я стараюсь держаться описанія того, что я лично видѣлъ и слышалъ, не зная совершенно жизни Царской Семьи на берегу. Между тѣмъ Ихъ жизнь на „Штандартѣ" извѣстна сравнительно немногимъ.

Государыня Императрица и Наслѣдникъ Цесаревичъ
на прибрежномъ пляжѣ.

ЖИЗНЬ НА „ШТАНДАРТѢ“.

Общая жизнь на „Штандартѣ“ шла такъ, какъ и на всѣхъ судахъ военнаго флота. Въ 8-мь часовъ утра былъ „подъемъ флага“, иногда съ „церемоніей“. Караулъ и оркестръ вызывались на бакѣ, такъ какъ въ этотъ часъ Государыня еще отдыхала, и команды и звуки музыки могли Ее потревожить. Почти всегда на подъемъ флага выходили „Княжны“, какъ Ихъ называли матросы, и маленькій Наслѣдникъ со своимъ дядькой, унтеръ - офицеромъ Деревенько. Государь въ это время оставался у Себя въ кабинетѣ, гдѣ Онъ занимался, обычно, до завтрака. Послѣ подъема флага, на кораблѣ начи нались обычныя занятія—„шлюпочное ученіе“, занятія съ сигнальщиками, „приборка“. Чистота на яхтѣ была поразительная и поддерживать ее было трудно. Эти занятія длились до обѣда команды. Послѣ занятій бывалъ завтракъ у Государя. Всѣ офицеры „Штандарта“ разъ навсегда были приглашены и къ завтраку и къ обѣду къ Государю. Въ Кають - Компаніи столовались только смѣняющійся Вахтенный Начальникъ, Вахтенный Механикъ, нѣкоторые классные чины и младшіе офицеры и чиновники, случайно прибывшіе на яхту и не приглашенные къ Высочайшему столу

Министры и другіе Высшіе Чины, прибывающіе на „Штандартъ“, всегда приглашались къ Высочайшему Столу. „Шефомъ“ кухни на „Штандартѣ“ былъ, извѣстный въ то время, рестораторъ Кюба. Столъ, по роскоши и обилію, ничѣмъ особеннымъ не выдѣлялся отъ обычной кухни хорошаго Петербургскаго ресторана (Кюба или Медвѣдь). Сервировкастола была очень красива. Къ завтраку и обѣду, на отдѣльномъ столикѣ, ставилась горячая и холодная закуска „а ла фуршетъ“. За завтракомъ, обычно, игралъ духовой оркестръ (при мнѣ у насъ плавалъ оркестръ 2-го Балтійскаго экипажа), за обѣдомъ хоръ балалаечниковъ. За завтракомъ всѣ были въ повседневной формѣ, равняясь по Государю, за обѣдомъ, всегда въ сюртукахъ. За завтракомъ присутствовали Великія Княжны Ольга, Татьяна, Марія и Анастасія Николаевны; обѣдали Онѣ отдѣльно. Наслѣдникъ всегда завтракалъ и обѣдалъ отдѣльно, такъ какъ Онъ былъ еще очень малъ. Между завтракомъ и обѣдомъ, въ Царской рубкѣ подавался, около 5 часовъ дня, чай, но къ нему рѣдко кто изъ судовыхъ офицеровъ приглашался. Послѣ завтрака, обычно, бывали какія - нибудь игры на палубѣ. Я лично, тогда еще юный мичманъ, почти исключительно игралъ съ „Княжнами“ въ „пятнашки“, въ „горѣлки“, въ „жмурки“, въ „прятки“ и т. д. Государыня, Ея фрейлины и состоявшія при Ней дамы, въ это время, обыкновенно, шили или раскрашивали разныя вещи, которыя дѣлались для лоттерей многочисленныхъ благотворительныхъ учрежденій, въ которыхъ Государыня была Предсѣдатель-

ницей, или которыя носили Ея Имя. Государь очень часто послѣ завтрака бралъ байдарку и одинъ катался по рейду. Иногда Онъ бралъ „двойку“, забиралъ съ Собой Наслѣдника, кого-нибудь изъ офицеровъ и, посадивъ послѣдняго на руль, Самъ садился грести и уходилъ куда-нибудь подальше отъ мѣста стоянки „Штандарта“. Во время прогулки на „двойкѣ“, Государь часто купался и купалъ маленькаго Наслѣдника, пріучая Его плавать. Обѣдъ бывалъ послѣ „спуска флага“.

СПУСКЪ ФЛАГА СЪ ЦЕРЕМОНІЕЙ.

Государь Императоръ на яхтѣ.

Очень часто спускъ флага совершался съ „церемоніей“, которая будучи вообще сама по себѣ очень красивой у насъ во флотѣ, на “Штандартѣ“ немного отличалась отъ обычной церемоніи спуска флага. Помню, какъ сердце мое всегда билось отъ радости и гордости, когда мнѣ приходилось стоять вахту, на которой совершался спускъ флага съ „церемоніей“. За четверть часа до захода солнца, прекрасные горнисты „Штандарта“ — „били повѣстку“. Затѣмъ отъ командира являлся ординарецъ, докладывая, что Его Величество приказалъ спускать флагъ съ церемоніей. За 5-ть минутъ до захода солнца давалась команда — „Караулъ и музыканты наверхъ, команда наверхъ повахтенно во фронтъ“. Выбѣжавшая наверхъ команда строилась повахтенно на бакѣ и, по командѣ своихъ боцмановъ, фронтомъ шла на шханцы. На правыхъ шханцахъ выстраивались офицеры „Штандарта“, лѣвѣе ихъ офицеры Свиты. На лѣвыхъ шханцахъ строились музыканты и караулъ.

Какъ только всѣ были построены, съ вахты посылался вахтенный унтеръ-офицеръ доложить старшему офицеру, командиру и

флагъ - капитану о спускѣ флага. Вахтенный Начальникъ находился въ это время на крышѣ Царской рубки, откуда была видна красивая картина палубы "Штандарта", со стройно выравненными рядами команды и офицеровъ. Государь, флагъ - капитанъ, и командиръ стояли около передней стѣнки рубки. На рейдѣ — суда эскадры, на которыхъ виднѣлись линіи выстроенныхъ командъ.

Тишина мертвая... Тихая гладь залива... Острова шхеръ и зарево заката... За минуту до захода солнца, вахтенный начальникъ командовалъ — „на флагъ и гюйсъ! Зорю!" и музыканты начинали играть „Зорю".

Только тотъ, кто видѣлъ лично эту картину среди „моря и сосны" финляндскихъ шхеръ, можетъ себѣ представить, какъ это красиво. „Зоря" кончена. Тихо на рейдѣ, только иногда эта тишина нарушается крикомъ чайки. Солнце садится, рейдъ темнѣетъ, острова шхеръ, покрытые сосновымъ лѣсомъ обволакиваются ползущими тѣнями. Среди этой сказочной тишины, слышится голосъ вахтеннаго начальника — „время вышло". Государь кивкомъ головы указываетъ, что можно спускать флагъ.

„Флагъ и гюйсъ спустить!" раздается звонкая команда вахтеннаго начальника. На бакѣ срывается грохотъ пушечнаго выстрѣла, по которому всѣ суда эскадры спускаютъ флагъ. Оркестръ начинаетъ играть маршъ „Гвардейскаго Экипажа", затѣмъ слышна команда караульнаго начальника „къ ноги" и медленно и величественно несутся звуки дивнаго гимна — „Коль Славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ". Вахтенный начальникъ спускается съ рубки на шханцы. Какъ только замираютъ звуки оркестра послѣднимъ глухимъ рокотомъ барабана, раздается команда караульнаго начальника — „На молитву! Фуражки долой!" и Штабъ - Горнистъ громкимъ голосомъ начинаетъ читать „Отче Нашъ". Государь набожно осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ.

По командѣ караульнаго начальника — „Накройсь!" Государь и всѣ остальные одѣваютъ фуражки. Царитъ мертвая тишина. Вахтенный начальникъ подходитъ къ караульному начальнику, который рапортуетъ: — „Ваше Благородіе, въ Караулѣ Его Императорскаго Величества на Императорской яхтѣ „Штандартъ", въ караулѣ и на постахъ состоитъ — унтеръ - офицеровъ столько - то, разводящихъ столько - то, рядовыхъ столько - то и т. д. Вахтенный начальникъ поворачивается кругомъ и рапортуетъ Старшему офицеру — „Господинъ Капитанъ 2 ранга въ Караулѣ Его Императорскаго Величества и т.д.

Старшій Офицеръ поворачивается и рапортуетъ Командиру, Командиръ — Флагъ-Капитану Его Величества, Флагъ-Капитанъ подходитъ къ Государю и рапортуетъ—„Ваше Императорское Величество въ Караулѣ Вашего Императорскаго Величества на Императорской яхтѣ „Штандартъ" и т. д.

Надо было видѣть Государя, какъ Онъ принималъ этотъ рапортъ. 398 матросовъ лично видѣли, какъ Государь знаетъ службу и какъ Онъ Самъ строгъ къ себѣ. Если офицеры стояли вытянувшись въ струнку, если Караулъ былъ похожъ на живыя изваянія, то Самъ Государь являлся примѣромъ и выправки и серьезности отношенія къ службѣ.

Принявъ рапортъ, Государь приказывалъ распустить Караулъ и команду. По командѣ вахтеннаго начальника—„Караулъ и музыканты внизъ! Командѣ разойтись", верхняя палуба наполнялась грохотомъ бѣгущихъ сотенъ людей и на фонѣ этого шума четко отдавались шаги караула и музыкантовъ, уходившихъ строемъ на бакъ, гдѣ они спускались въ подпалубное помѣщеніе.

На всѣхъ судахъ эскадры, со спускомъ флага, зажигались „штаговые" огни, начинали свѣтиться иллюминаторы; на „Штандартѣ" красиво выдѣлялась освѣщенная яркими огнями Царская рубка.

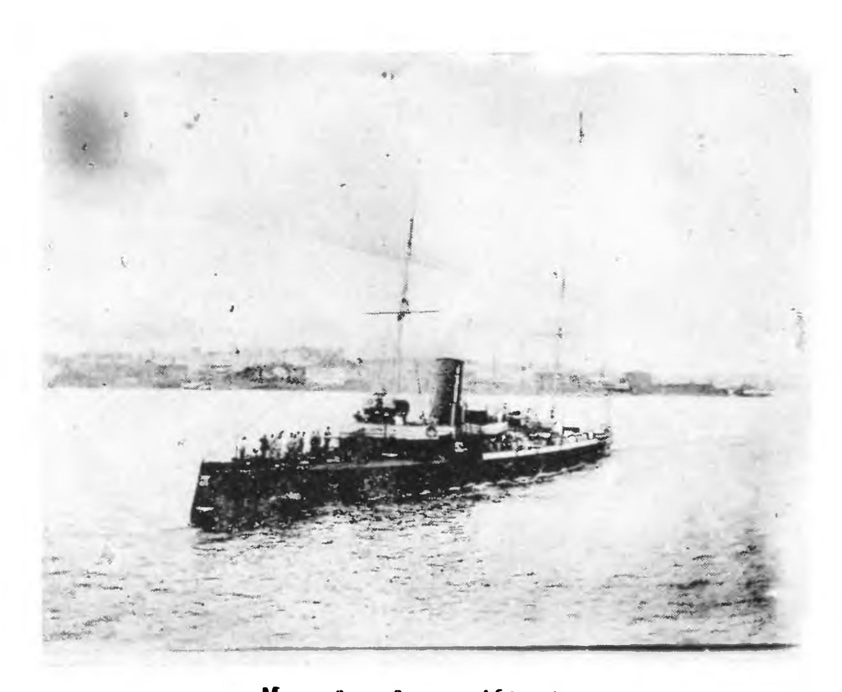
Судовой день конченъ. Наступаетъ ночь...

Вскорѣ послѣ спуска флага начинался обѣдъ въ Царской рубкѣ. Послѣ обѣда и кофе, Государь и Государыня часто переходили въ офицерскую Каютъ-Компанію, гдѣ Государыня обычно садилась въ кресло и рукодѣльничая, разговаривала съ офицерами, разспрашивая ихъ про ихъ плаванія, про разные интересные случаи, которые имъ приходилось видѣть заграницей. Говорила съ ними о музыкѣ, объ искусствѣ, литературѣ. Иногда, кто-нибудь изъ офицеровъ садился за рояль, иногда кто нибудь пѣлъ.

Присутствіе фрейлинъ Государыни и состоящихъ при ней дамъ оживляли эти вечера. Простой милый разговоръ. Казалось, будто мы сидимъ гдѣ-то дома, или у очень близкихъ хорошихъ людей въ гостяхъ на берегу. Государь обыкновенно садился играть въ домино.

Хотя на яхтѣ, въ отличіе отъ обыкновенныхъ военныхъ судовъ, разрѣшалась игра въ карты (бриджъ, винтъ и т. п.), но насколько я помню, играли только въ домино, а офицеры, оставшіеся незанятыми, обычно садились за типичный для флота „трикъ-тракъ", или за шахматы. Въ 11 часовъ вечера Государыня уходила къ себѣ, а Государь остав лся иногда до 2 часовъ, если Его увлекала игра въ домино. Когда Государь оставался поздно, то послѣ полночи, въ каютъ-компаніи подавался чай, давалось красное вино и, какъ помнится, ветчина. Послѣ этого маленькаго ужина, Государь обыкновенно выходилъ на верхнюю палубу, немного тамъ гулялъ и затѣмъ ложился спать.

Такъ текла общая жизнь на „Штандартѣ" въ 1908 году. Отъ нея бывали отклоненія въ дни, когда устраивалась охота на берегу (При мнѣ это было кажется четыре раза) и въ дни пріѣздовъ Мини-

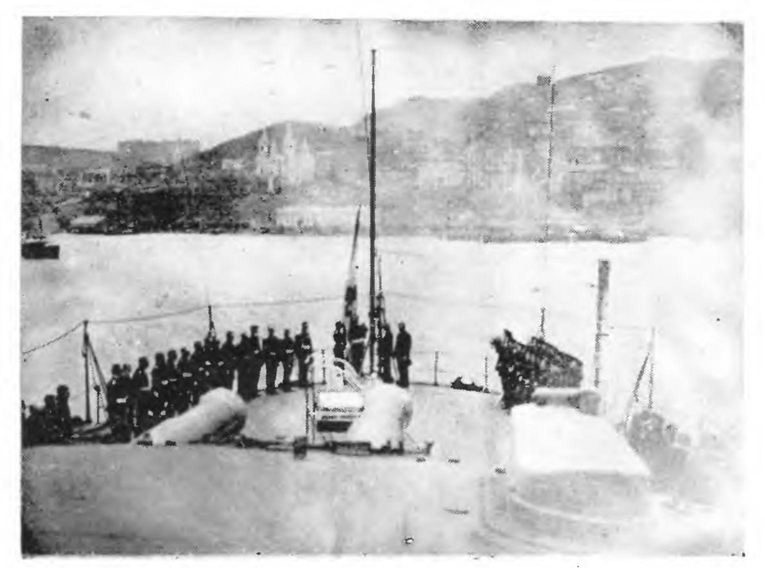
Минный крейсеръ „Абрекъ"
(Построенъ въ 1896 г. на заводѣ Крейтонъ въ Або. 675 тоннъ.
21 узелъ. 2-75 м/м и 4-47 м/м пушки. Экипажъ 79 человѣкъ).

стровъ съ докладами изъ С. Петербурга, или же, когда на яхтѣ бывали Высшіе Начальники отдѣльныхъ частей, специально вызванные къ Государю.

РАБОЧІЙ ДЕНЬ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

Насколько помню, при мнѣ пріѣзжали съ докладомъ Предсѣдатель Совѣта Министровъ П. А. Столыпинъ и Министръ Императорскаго Двора и Удѣловъ Графъ Фредериксъ. Разъ былъ вызванъ Командующій Морскими Силами Балтійскаго Моря, Свиты Его Величества Контръ-Адмиралъ Н. О. фонъ Эссенъ. Въ эти дни отношенія на яхтѣ дѣлались болѣе официальными. Государь съ яхты не съѣзжалъ и занимался у себя въ кабинетѣ съ прибывшими лицами; обѣды и завтраки въ эти дни бывали параднѣе, общіе разговоры за столомъ сдержаннѣе и ограничивались болѣе тѣмъ концомъ, на которомъ находился Государь, Государыня и прибывшіе гости. Ко всему этому надо прибавить, что къ обѣду Государыня всегда выходила въ блестящемъ вечернемъ туалетѣ, поэтому обѣдъ и въ обычные дни отличался извѣстной торжественностью и красотой.

Подъемъ флага на линейномъ кораблѣ „Чесма“.

Судовыя работы „Пошелъ тали“.

Государевы тревоги и заботы.

ГЛАВА VII

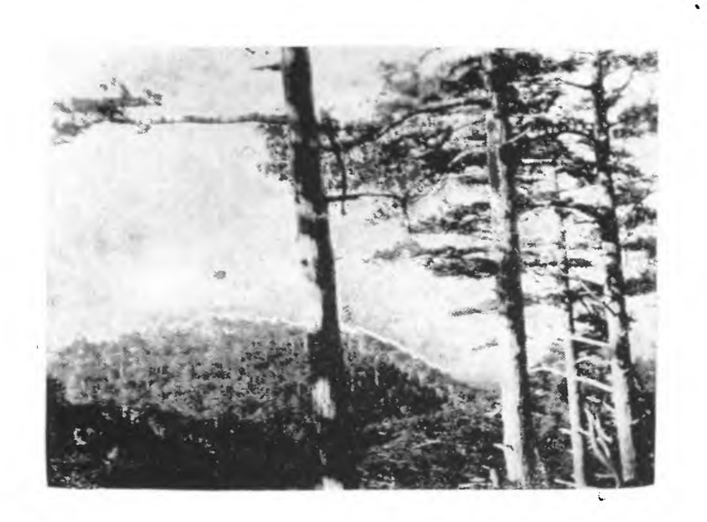
Государь Императоръ при спускѣ линейнаго крейсера „Бородино".

Теперь уже въ прошломъ эти незабвенные дни, этотъ блескъ и роскошь, которые окружали нашихъ Русскихъ Царя и Царицу. Эта красота, создававшаяся вѣками и, вѣроятно уже неповторимая, — нынѣ разрушена варварствомъ XX вѣка, всплывшемъ въ видѣ соціализма. Точно эта красота принадлежала не „всему народу" и будто разрушивъ ее, это варварство что-то „дало" народу. Я радъ, что Господь далъ мнѣ видѣть эту красоту. Самое дорогое, что я унесъ въ моемъ сердцѣ со „Штандарта" — это память о личной жизни Государя, Хозяина яхты, какъ его тамъ называли.

Казалось бы и „Штандартъ" и всѣ суда, сопровождавшіе его были назначены въ распоряженіе Государя и для Его Семьи, но тонъ на яхтѣ былъ таковъ, что казалось, будто Они въ гостяхъ у насъ. Будто мы, съ одной стороны офицеры военнаго корабля, а съ другой — родные, близкіе люди Государя и Его Семьи. Казалось, будто Государь не отдыхаетъ на яхтѣ, а точно служитъ, только видоизмѣняя Свою службу на время пребыванія на яхтѣ. Скромный, всегда и со всѣми деликатный, ласковый и такъ часто грустный, грустный. Когда я видѣлъ Его печальные глаза, становилось такъ больно на сердцѣ, что хотѣлось Ему помочь и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалась какая-то безнадежность въ Его грусти, какая-то обреченность. Такое впечатлѣніе вынесъ я о Немъ.

РОССІЯ НА РАСПУТЬИ.

Мнѣ кажется, что вся вина Государя только и могла быть въ томъ, что Онъ царствовалъ въ 1894 - 1917 г. г., когда правящій классъ Россіи выродился, потерялъ волю къ власти, а тѣ, кто мечтали этотъ классъ замѣнить, эти „идеологи" революціи не поняли, что сами они не представляютъ новаго класса, а просто являются отбросами того же самаго правящаго класса русской интеллигенціи.

Это я понялъ лишь послѣ 1917 года, а Государь, и это мнѣ видно теперь по нѣкоторымъ Его словамъ, зналъ и чувствовалъ это уже тогда. Не чувствуя Себя въ силахъ найти «людей», Онъ винилъ Себя, считалъ Себя неудачникомъ.

Государь, по своему характеру, не могъ выбиться изъ этой тины разлагающейся интеллигенціи, не могъ Самъ найти людей въ Своемъ народѣ, а то, что стояло за такъ называемой «бюрократіей» было и хуже и менѣе опытно и морально ниже этой самой пресловутой бюрократіи. Между народной массой и интеллигенціей образовался разрывъ, который наполнить было нечѣмъ. Этотъ разрывъ грозилъ неминуемой катастрофой, страшной для всей Россіи. Это-то Государь и видѣлъ. О Себѣ, Онъ, повидимому, не думалъ, Онъ страдалъ за будущее Россіи.

ДУШЕВНАЯ ДРАМА ГОСУДАРЯ.

Я говорю это потому, что тогда на «Штандартѣ» я не могъ понять грустнаго взгляда Государя. Не могъ понять Его глазъ, часто похожихъ на чистые глаза ребенка. Мнѣ казалось, что Его семейное горе мучило Его, но потомъ, вспоминая нѣкоторые Его слова, я уви-

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ, Августѣйшій Шефъ Морского Корпуса.

дѣлъ, что большую роль въ Его грусти играло то, что Онъ тревожился за судьбу Россіи.

Онъ былъ невѣроятно одинокъ въ Своихъ мечтахъ о Россіи, которую Онъ такъ горячо любилъ. Теперь я понимаю, почему Онъ былъ всегда такъ особенно ласковъ къ совсѣмъ юнымъ офицерамъ, вродѣ тѣхъ, какимъ я былъ тогда; почему Онъ часто съ ними говорилъ о вещахъ, которыя могли бы показаться странными въ разговорѣ Государя съ такими юнцами. Можетъ быть въ насъ Онъ искалъ и надѣялся увидѣть тѣхъ людей, которые являются «новымъ поколѣніемъ» и которые, если не Ему Самому, то Его Наслѣднику будутъ помощниками, которые дадутъ Россіи скелетъ, начавшій слабѣть при Немъ. Я этого не знаю, эти мысли и горести Государя для меня остались тайной. Я упоминаю объ этомъ только потому, что для меня лично, это многое объясняетъ и въ грусти Государя, которую нельзя было не замѣтить и въ той обреченности, которую я въ Немъ такъ чувствовалъ тогда на „Штандартѣ“.

ЕЩЕ ОДНА ОХОТА.

Первая близкая встрѣча съ Государемъ у меня произошла на одной маленькой, какъ она называлась „домашней“ охотѣ, на которую Государь меня взялъ съ собою. На охотѣ, кромѣ Государя, было кажется всего 6-ть человѣкъ — всѣ со „Штандарта“.

Когда былъ разставленъ „загонъ“ изъ команды „Штандарта“, мы начали тянуть билетики на номера, на которые намъ становиться. Государь тянулъ съ нами. Ему выпалъ „номеръ 6-ть“, а мнѣ „номеръ 7-мь“ оба на крайнемъ лѣвомъ флангѣ линіи охотниковъ. Кто-то предложилъ Государю помѣняться, ибо идти на Его номеръ

было очень далеко, но Онъ отказался. Группа охотниковъ постепенно таяла отъ разстановки по номерамъ. Наконецъ, остались мы съ Государемъ вдвоемъ. Лишь только Государь сталъ на свой номеръ, раздался сигналъ „къ загону" и въ лѣсу послышались крики и щелканіе загонщиковъ. Я видѣлъ, какъ на номеръ Государя выскочилъ заяцъ.

Государь взялъ ружье, оглянулся и, улыбаясь, посмотрѣлъ на бѣгущаго звѣрька; положилъ ружье около себя и сѣлъ на ту кочку, около которой Онъ стоялъ. На меня никто не вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ я подошелъ къ Государю, который замѣтивъ меня, указалъ мнѣ мѣсто около Себя.

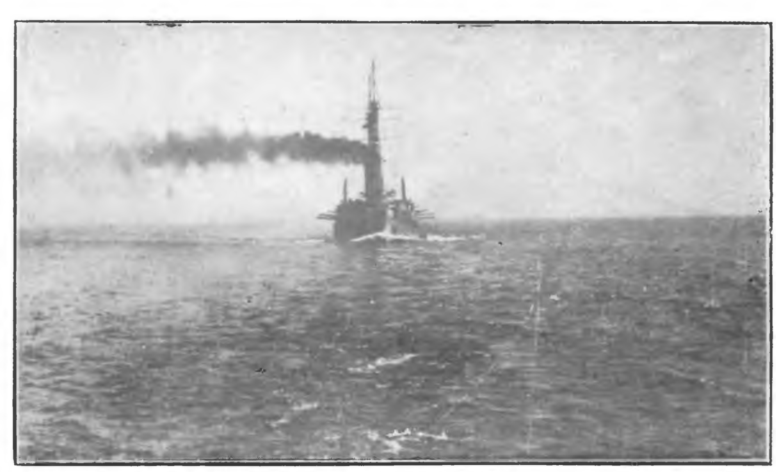
ЛЮБОВЬ ГОСУДАРЯ КЪ ПРИРОДѢ.

Онъ началъ мнѣ говорить, какъ прекрасно созданъ Божій міръ какъ Онъ любитъ природу, какъ было бы всѣмъ хорошо жить, если бы всѣ могли жить такъ, какъ того желаетъ Господъ Богъ. Какъ, смотря на природу, Ему хотѣлось бы, чтобы Россія не была бы дурнымъ сколкомъ съ Европы, ставшей такой сухой и матеріалистической. Какъ Ему хотѣлось бы, чтобы Россія сохранила свою чистую дѣтскую душу, чтобы она не была насыщена злобой борьбы за существованіе. „Любите природу, учитесь по ней, по той красотѣ, которая заложена въ Божьемъ мірѣ". Такъ примѣрно, насколько я помню, говорилъ мнѣ Государь. Глаза Его смотрѣли въ гущу темнаго лѣса, на опушкѣ котораго мы стояли. Я помню, что забывъ Кто стоитъ передо мной, я съ жаромъ сталъ говорить, что Россія именно такой и будетъ, что она всегда жила и живетъ въ природѣ, что нашъ народъ ближе къ природѣ, чѣмъ народы Европы, что Россія останется чистой, хорошей и въ то же время будетъ культурной, сильной, способной защитить своихъ дѣтей.

— „Дай - то Богъ". — вздохнулъ Государь.

Загонъ кончился. Государь со мной опять пошелъ лѣсомъ. На одной опушкѣ мы встрѣтили пастуха - финна со стадомъ. Пастухъ не узналъ Государя и не понялъ насъ, когда мы начали ему объяснять, что надо стадо отогнать въ сторону отъ линіи охотниковъ, такъ какъ здѣсь будутъ опять стрѣлять. Тогда Государь началъ отгонять стадо Самъ. Пастухъ наконецъ понялъ и присоединился къ намъ. Отогнавъ стадо, Государь опять пошелъ на линію охоты. По дорогѣ мы попали въ болото и я очень испугался, что Государь глубоко провалился, но Онъ смѣясь, выскочилъ весь грязный.

На слѣдующихъ загонахъ я былъ на номерахъ, далекихъ отъ Государя.

Линейный корабль „Андрей Первозванный“.

ГОСУДАРЬ ВЪ ИНТИМНОЙ ОБСТАНОВКѢ.

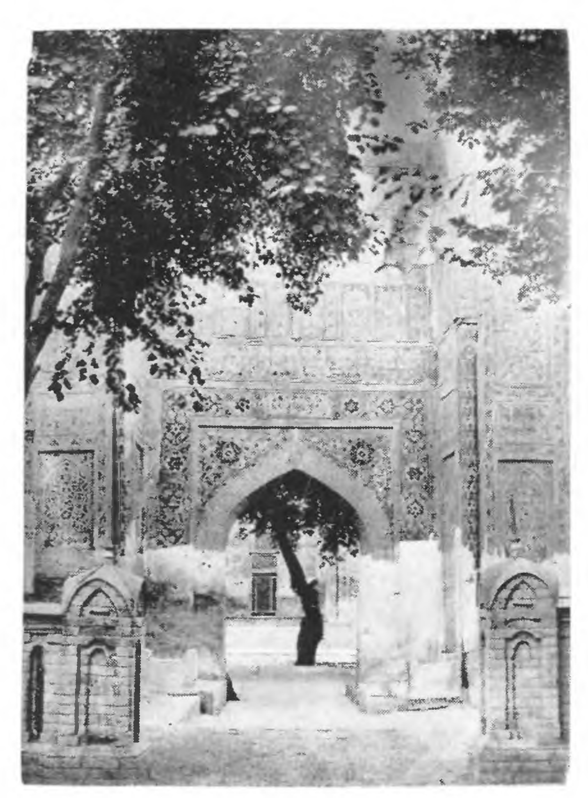
На „Штандартъ“ мы вернулись передъ самымъ чаемъ и здѣсь со мной произошелъ случай, очень характерный для Государя, рисующій Его со стороны, которую можетъ быть мало знаютъ.

Вернувшись, я пошелъ къ себѣ въ каюту снимать грязное охотничье платье. Неожиданно ко мнѣ вбѣжалъ маленькій юнга и доложилъ—„Ваше Благородіе, Ея Величество просятъ Васъ чай пить“. Не зная, какъ быть, я наспѣхъ началъ одѣваться въ чистое бѣлье и сюртукъ. Одѣвшись, я выбѣжалъ на верхнюю палубу и пошелъ въ Царскую рубку, гдѣ пили чай. Вахтенный начальникъ тревожно сказалъ мнѣ, что я опоздалъ, что всѣ уже сѣли. А между тѣмъ нельзя было не быть, такъ какъ къ чаю бываетъ мало приглашенныхъ и будетъ замѣтно мое отсутствіе. Я съ трепетомъ вошелъ въ рубку и, пробираясь вдоль стѣнъ, пытался пройти незамѣченнымъ на незанятое мѣсто. Но Государь меня замѣтилъ и строгимъ голосомъ спросилъ— „Почему вы опоздали и почему вы въ сюртукѣ?“ Я доложилъ, что переодѣвался, такъ какъ былъ очень грязенъ. На это Государь сказалъ, что Онъ попалъ въ то же самое болото, что и я и перемѣнилъ только сапоги, что совершенно не надо было переодѣваться въ сюртукъ — „Садитесь“, — сказалъ Государь, какъ мнѣ показалось, очень сухо.

Я сѣлъ рядомъ съ дежурной фрейлиной. Государыня, которая сама разливала чай, пристально посмотрѣвъ на меня и видя мое смущеніе, улыбнулась мнѣ и спросила, сколько мнѣ надо кусковъ сахару въ чай и хорошо ли мнѣ было на охотѣ. Этимъ Ея Величество вывела меня изъ оцѣпененія. Чтобы объяснить послѣдующее я долженъ здѣсь сдѣлать вставку изъ воспоминаній очень ранняго моего дѣтства.

ГОСУДАРЬ ЗНАЛЪ РОССІЮ.

Когда я былъ еще ребенкомъ, мой отецъ служилъ въ Туркестанѣ. Мы жили въ Самаркандѣ и тогда въ горахъ Туркестанскаго хребта, въ Искандеровской волости случилась чума. Дѣло было зимою. Центромъ чумы считался кишлакъ Анзобъ. Пути туда были страшно трудные по горнымъ тропамъ, иногда прерываемыми знаменитыми туркестанскими „карнизами“. Въ зимнее время проѣхать туда было почти невозможно. Россія тогда была подъ „гнетомъ самодер-

Порталъ входа въ мавзолей Тамерлана. Самаркандъ. Туркестанъ.

жавія“, а потому донесеніе мѣстной власти о чумѣ въ Анзобѣ сильно взволновало С. Петербургъ. По Высочайшему повеленію въ Самаркандъ выѣхалъ срочно Принцъ Ольденбургскій съ противочумной комиссіей. Когда комиссія уже была въ Самаркандѣ, выяснилось, что чума, на самомъ дѣлѣ является, какъ тогда называли, „голоднымъ тифомъ“, а въ наши времена эта болѣзнь называется сыпнымъ тифомъ. Получился скандалъ. Донесено было, что въ Анзобѣ чума, этимъ вызвали пріѣздъ изъ С. Петербурга противочумной комиссіи, а оказалось, что никакой чумы нѣтъ, да и тифъ то оказался въ кишлакѣ Анзобъ пустячный. Какъ вывернулись изъ этого положенія мѣстныя власти, какъ имъ удалось недопустить Принца Ольденбургскаго въ Анзобъ, куда онъ собирался ѣхать лично — я не знаю. Помню только, что тифъ былъ локализированъ Анзобомъ, скоро прекратился, комиссія уѣхала, но, какъ говорили у насъ, въ докладѣ было указано, что чума локализирована Анзобомъ и опасности краю не угрожаетъ.

Фактически все было вѣрно, но я помню, что либеральные элементы Самарканда возмущались тогда нашей „бюрократіей“, ея “продажностью“, „ложью“ и что, молъ Государь ничего не знаетъ, ибо Онъ „ничѣмъ не интересуется“. Его обманываютъ. На этой „чумѣ“ кто-то „заработалъ“ на „прогонахъ“, получилъ какія-то награды и т.д. Однимъ словомъ характерные для русскаго общества того времени слухи и разговоры наводнили Самаркандъ. Либералы шопотомъ сѣяли слухи и назвали тогда эту чуму — “чумою Принца Ольденбургскаго“.

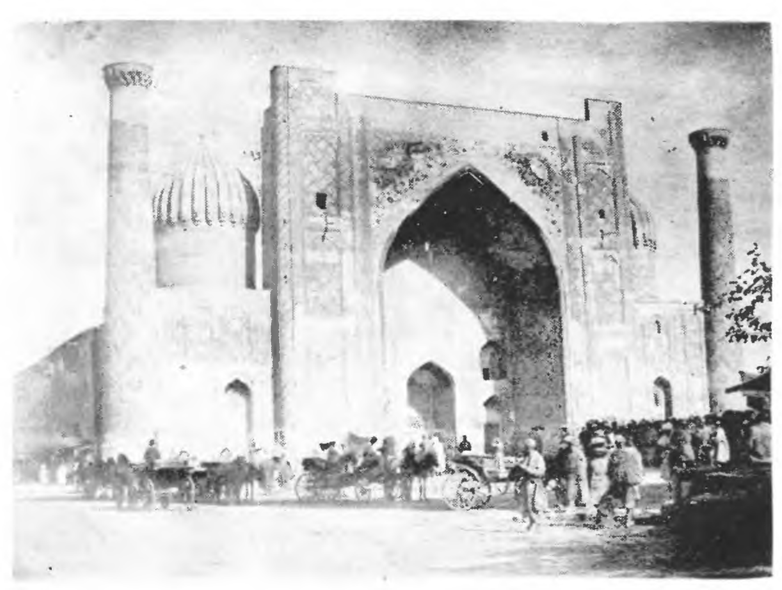
Такъ вотъ, ободренный Государыней, я понемногу разговорился, съ сидящей около меня фрейлиной, которая сама старалась навести меня на разговоръ, чтобы избавить отъ неловкаго положенія.

Я увлекся и началъ ей разсказывать про Туркестанъ, про его красоты, про его народы и нравы, которые я такъ любилъ, про его легенды. Вдругъ, среди разговора, я почувствовалъ на себѣ пристальный взглядъ. Я повернулъ голову и вижу, что Государь смотритъ на меня Своими чистыми, ясными глазами.

„Апрѣлевъ, вы разсказываете про Туркестанъ? Вашъ отецъ служилъ тамъ? Вы тамъ выросли?“

ЗНАЛЪ ЛЮДЕЙ.

Я отвѣтилъ утвердительно.—„Вотъ страна“, сказалъ Государь,—„которая Мнѣ представляется жемчужиной Россіи. Какъ много тамъ можно и нужно сдѣлать, какая тамъ дивная природа, какая

Мадраса Ширъ-Даръ; построена Эмиромъ Ялангушъ-Богадуромъ въ 1028 году геджры, то есть въ 1618 году нашей эры.
Самаркандъ. Туркестанъ.

плодородная почва и какъ интересна и красива исторія этой страны. Если Господь благословитъ, Я сдѣлаю все возможное, чтобы лично какъ-нибудь проѣхать въ Туркестанъ, осмотрѣть весь этотъ край и лично повидать тамошнихъ людей. Сегодня, Я болѣе 4-хъ часовъ изучалъ докладъ Туркестанскаго Генералъ-Губернатора. Какъ тамъ много дѣла и какъ нужны туда люди".—„А скажите"-добавилъ Государь-„любили въ Туркестанѣ Генералъ-Адъютанта Иванова?" (Умершій въ Туркестанѣ-Туркестанскій Генералъ-Губернаторъ). На мой отвѣтъ, что, насколько я знаю, не только любили, но и очень уважали, ибо онъ былъ старымъ опытнымъ Туркестанцемъ, любящимъ край и знавшимъ его превосходно, Государь вдругъ съ грустною улыбкой, обращаясь ко всѣмъ сказалъ-„Вотъ видите, и я зналъ и слышалъ про Генерала Иванова то же самое и посмотрите, какъ страшно всегда не везетъ; только что найдется нужный, дѣльный, честный человѣкъ, какъ онъ умираетъ. За что?" Затѣмъ лицо Государя какъ-то измѣнилось, что-то неуловимое пробѣжало въ Его глазахъ, какая то, лукавая усмѣшка показалась въ углахъ Его губъ, точно Онъ хотѣлъ мнѣ сказать: „хоть ты и правду говоришь, но тутъ вотъ навѣрно соврешь". Я инстинктивно приготовился къ тому, что Государь спроситъ меня о чемъ-нибудь, на что я не сумѣю отвѣтить. Вдругъ Государь громко, на весь столъ спросилъ меня—„Вы тогда вѣроятно были совсѣмъ маленькимъ. Помните ли вы, какъ въ какомъ-то кишлакѣ около Самарканда появилась чума? Эта эпидемія страшно напугала мѣстныя власти. Помните вы это?"

Я, говоря откровенно, весьма смутно помнилъ эту исторію, почти забывъ тѣ слухи, которые тогда ходили и о которыхъ я узналъ лишь когда подросъ, отвѣтилъ Государю—„Такъ точно, Ваше Императорское Величество, я помню, что у насъ поднялась паника по поводу чумы въ Анзобѣ, но она оказалась не чумой, а „голоднымъ тифомъ", развившимся кажется изъ-за зимняго перерыва сообщенія, на почвѣ нехватки съѣстныхъ припасовъ. Этотъ тифъ или самъ прекратился или былъ прекращенъ — я точно не помню". На лицѣ Государя я увидѣлъ улыбку и Онъ, точно шутя и испытывая меня сказалъ":—„Да, но вы отъ меня скрыли, что эта „чума" у васъ была названа „чумою Принца Ольденбургскаго", что никто изъ комиссіи, посланной Мною въ Анзобъ не проѣхалъ, а въ отчетѣ тѣмъ не менѣе было донесено, что чума прекращена". Я отвѣтилъ, что во время пребыванія комиссіи въ Самаркандѣ, было выяснено, что это не чума, но какимъ образомъ и кѣмъ это было выяснено, я не помню. Что остроту, кѣмъ-то пущенную въ Самаркандѣ, называющую это дѣло „чумою Принца Ольденбургскаго" я дѣйствительно припоминаю, но что это была чисто мѣстная острота, о которой я даже забылъ.

НЕ ПОНЯТЪ И НЕ ОЦѢНЕНЪ.

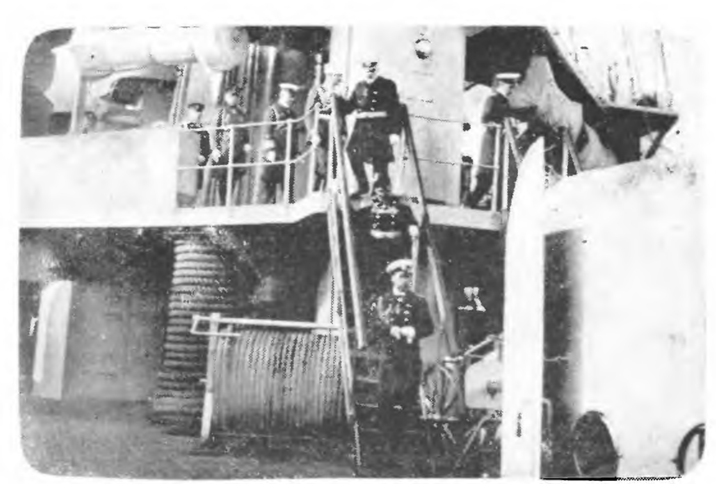
Говоря это Государю, я вспомнилъ нашихъ либераловъ въ Самаркандѣ, утверждавшихъ съ пафосомъ, что Царь-де ничего не знаетъ и ничѣмъ не интересуется, что при „такомъ режимѣ“ мы Богъ знаетъ до чего дойдемъ.

Тѣ изъ васъ, кто живы, господа—не стыдно ли вамъ? Можетъ быть вы спросите, почему же Государь дѣлалъ видъ, что вѣритъ докладу и не потребовалъ выясненія всей правды? Лично я могу объяснить это тѣмъ, о чемъ пишу выше, то есть убѣжденіемъ Государя, что правящій классъ въ Россіи ослабъ, вырождается, а на смѣну ему никого нѣтъ. Что многіе доклады также, какъ и „консервативныя“, и „либеральныя“, и „революціонныя“ идеи, идущія изъ того же класса нежизненны, что русская интеллигенція въ массѣ оторвалась отъ жизни и отъ своего народа. Эта интеллигенція могла еще иногда дать отдѣльнаго „человѣка“, но „людей“ она не давала. Потому Государь и считалъ столь роковой потерю этихъ отдѣльныхъ людей, оказавшихся талантливыми и дѣльными. Государь, повидимому, не могъ выбиться изъ этого тупика. Онъ многое видѣлъ, хотя бы потому, что сверху виднѣе, но измѣнить историческій, роковой процессъ вырожденія нашей интеллигенціи, Онъ не могъ. Вотъ почему, вѣроятно, Онъ такъ часто относился пассивно къ тому, что Онъ зналъ за не вѣрное, но не считалъ возможнымъ съ этимъ бороться. Такъ, или иначе, для меня остается тайной, откуда, какъ и почему Государь могъ знать такія мелочи и слухи, ходящіе на далекой окраинѣ Россіи.

Нѣсколько разъ на „Штандартѣ“ я убѣждался, что Государь знаетъ иногда такія мелочи въ различныхъ дѣлахъ Морского Министерства, о которыхъ я, будучи морскимъ офицеромъ, самъ не зналъ. Это углубленіе Его въ такія детали является для меня непостижимымъ, а между тѣмъ я до сихъ поръ нигдѣ не читалъ описанія Государя, рисующаго Его съ этой стороны.

ЗЛОЙ РОКЪ.

Онъ несомнѣнно видѣлъ перерожденіе нашей интеллигенціи. Ему хотѣлось поймать пульсъ жизни народныхъ массъ, стоящихъ за этой интеллигенціей и повидимому Онъ, къ ужасу своему, не находилъ путей къ спайкѣ, разорванныхъ нашей исторіей, слоевъ. Можетъ

Высочайшій Смотръ лин. кор. „Императоръ Павелъ 1-й
(во время Свиданія въ Балтійскомъ Порту, 1912 г.)

быть, лишь въ Себѣ Онъ видѣлъ эту связь, ибо лично я никогда не слышалъ отъ Него и отъ окружавшихъ Его на „Штандартѣ" лицъ непріязненнаго отношенія ни къ Государственной Думѣ, ни къ Земству. Наоборотъ, два или три раза я вспоминаю, что Государь съ кѣмъ то говорилъ о Государственной Думѣ и очень интересовался отдѣльными ея представителями. Въ Его разговорахъ о Думѣ, мнѣ вспоминается не непріязнь, какъ это обычно считалось среди русскаго интеллигентнаго общества, а именно эта неуловимая неувѣренность, въ томъ выполняетъ ли Дума и можетъ ли выполнить свои функціи, необходимыя для всего государства, не являются ли ея идеи тѣми „безсмысленными мечтами" которыя, не спасая общаго положенія, являются обманомъ и народа и самой интеллигенціи? Я не могу все это утверждать, но многое въ личности Государя мнѣ становится понятнымъ при такомъ предположеніи.

На Государѣ нѣтъ вины въ вырожденіи нашей интеллигенціи. Этотъ исторически - роковой процессъ Онъ не могъ измѣнить, а между тѣмъ Государь собою заплатилъ за эту нашу историческую болѣзнь, Самъ въ ней неповинный. Тутъ я вижу объясненіе той драмы Царской Семьи, которую я лично наблюдалъ и чувствовалъ, но еще не понималъ въ 1908 году.

ГОСУДАРЬ ЛЮБИЛЪ ФЛОТЪ.

Подтверждая вышеизложенное примѣромъ, я могу еще привести случаи, когда лично, въ разговорѣ со мной, Государь раскрывалъ мнѣ знаніе самыхъ мелкихъ деталей, касающихся флота. Напримѣръ, когда я былъ Корабельнымъ Гардемариномъ нашъ отрядъ, въ составѣ линейныхъ кораблей „Цесаревичъ", „Слава" и крейсера „Богатырь", какъ - то вышелъ изъ Виго (Испанія) въ бухту Мармарисъ (на берегу Малой Азіи въ районѣ о - въ Родосъ) Этотъ походъ мы совершили въ большой тайнѣ, со „стратегической цѣлью", избавиться отъ нашего поставщика грека Вріониса, который впослѣдствіи погибъ во время землетрясенія въ Мессинѣ. Нашъ Штабъ находилъ, что Вріонисъ намъ поставляетъ нужные предметы снабженія (уголь, масло, ветошь, продукты) по слишкомъ дорогимъ цѣнамъ и придя раньше насъ въ портъ нашего слѣдованія, взвинчиваетъ тамъ искусственно цѣны, лишая насъ возможности производить самимъ покупки. Штабъ рѣшилъ отъ него избавиться и вотъ въ Виго былъ распущенъ слухъ, что мы уходимъ на Мадеру; бѣдный обманутый Вріонисъ наканунѣ вышелъ изъ Виго на своемъ пароходѣ и ушелъ на Мадеру.

ЭПИЗОДЪ ВЪ СРЕДИЗЕМНОМЪ МОРѢ.

Линейный корабль „Слава".

Выйдя въ море, на отрядѣ неожиданно узнали, что мы идемъ вовсе не на Мадеру, о чемъ мы Гардемарины мечтали, а въ Малую Азію, черезъ Гибралтаръ, никуда не заходя черезъ все Средиземное море. Такъ какъ неудобно было доносить, что мы „бѣжали" отъ Бріонса, какъ говорили на Отрядѣ, въ Штабъ былъ составленъ блестящій докладъ о мотивахъ измѣненія маршрута. Мотивовъ этихъ было дѣйствительно очень много — испытаніе механизмовъ всѣхъ судовъ на большомъ переходѣ, обученіе гардемаринъ на этомъ походѣ кораблевожденію и походной судовой службѣ, тренировка машинной команды, соединеніе съ нашими канонерскими лодками, плавающими въ Средиземномъ морѣ и т.д.

Переходъ былъ очень интересный, со многими эпизодами. Шли мы 8-мь сутокъ подрядъ, въ Эгейскомъ морѣ встрѣтили довольно свѣжую погоду. По пути упражнялись въ эволюціяхъ, въ обученіи дальномѣрщиковъ, въ обученіи отдаленнымъ сигналамъ, въ обученіи машинныхъ командъ на большомъ ходу. Единственный нашъ крейсеръ „Богатырь" посылался иногда въ стороны и впередъ для развѣдки и т.д. Такъ или иначе, Отрядъ благополучно пришелъ въ Мармарисъ, гдѣ сталъ на якорь. На наше горе, транспорты съ углемъ и провизіей, выписанные Штабомъ изъ Севастополя, не пришли. Отрядъ оказался въ Мармарисѣ почти безъ угля. Вызванныя въ Мармарисъ, временно къ намъ прикомандированныя, канонерскія лодки „Кубанецъ" и „Хивинецъ" тоже опоздали и ко всему этому оказалось, что между Россіей и Турціей дипломатическія отношенія очень натянуты. Мы попали въ очень глупое положеніе, оказавшись безъ угля и провизіи въ порту державы, которая можетъ быть черезъ нѣсколько дней станетъ намъ враждебной. Этими треніями вполнѣ объясняется запозданіе нашихъ транспортовъ изъ Севастополя, они были задержаны въ Чер-

номъ морѣ. Наше положеніе было отчаянное. Помню, какъ на отрядѣ смѣялись и острили надъ нашимъ бѣднымъ Штабомъ, задумавшимъ эту операцію, острили, что мы совершили „походъ аргонавтовъ" и попали, какъ куръ во щи, въ лапы, можетъ быть, противника. Турки себя держали съ нами очень вызывающе. Тревога въ Штабѣ отряда была большая. Гардемарины, со свойственнымъ молодости легкомысліемъ, составляли рядъ куплетовъ на „походъ аргонавтовъ". Въ одинъ прекрасный день наша „развѣдка" показала, что съ моря идутъ какіе-то транспорты. Оказалось, что Вріонисъ, пройдя даромъ на Мадеру, бросился насъ искать—и нашелъ, къ общему ликованію всего отряда. Мы, нагрузившись углемъ, масломъ и провизіей поспѣшили покинуть Мармарисъ и ушли въ Грецію. сопровождаемые Вріонисомъ. О „походѣ аргонавтовъ" Штабъ послалъ подробное донесеніе и у насъ острили, что Майнъ-Ридъ не могъ бы описать болѣе живо и интересно всѣ наши злоключенія. Но конечно, этотъ докладъ не могъ передать и сотой доли того, что произошло на Отрядѣ за это время и, конечно тщательно избѣгалъ описывать весь комизмъ нашего положенія, надъ которымъ на всѣхъ корабляхъ смѣялись и острили.

Однако, къ моему удивленію, всѣ эти детали, которыя знали лишь тѣ, кто плавалъ на Отрядѣ, оказались извѣстными Государю. Однажды ночью, когда я стоялъ вахту, Государь, выйдя поздно изъ каютъ-компаніи на верхнюю палубу и увидѣвъ меня, подозвалъ меня къ Себѣ — „Какая дивная ночь" — сказалъ Онъ — „точно мы не въ Финскомъ Заливѣ, а въ Средиземномъ морѣ". Я отвѣтилъ, что нашъ рейдъ сейчасъ при лунномъ свѣтѣ мнѣ немного напоминаетъ Неаполитанскій заливъ. Государь посмотрѣлъ на меня съ улыбкой и сказалъ—„Ахъ да, вѣдь вы плавали на Гардемаринскомъ отрядѣ? Были въ "походѣ аргонавтовъ"? „Уходили" отъ Вріониса? Ну, знаете, дѣйствительно докладъ о вашемъ плаваніи былъ написанъ такъ, точно писалъ его Майнъ - Ридъ. А что же у васъ было еще, о чемъ не написали въ докладѣ?" И тутъ Государь началъ меня разспрашивать и мнѣ напоминать про такія детали нашего похода, точно Онъ Самъ въ немъ учавствовалъ. Всѣ наши остроты, комическіе разсказы, всѣ наши чисто корабельныя радости и горести — все оказалось Ему извѣстнымъ. Откуда и какъ? — не знаю.

ЖИТЕЙСКІЯ НУЖДЫ ФЛОТА.

Какъ - то въ другой разъ, Государь спросилъ меня, какъ мнѣ пришлось получать какія - то вещи изъ Кронштадскаго Порта? Я, докладывая Ему, сказалъ, что по моему мнѣнію имѣются такіе - то и такіе - то недостаки въ порядкѣ полученія предметовъ, которые очень задерживаютъ. Государь поразилъ меня тѣмъ, что началъ мнѣ разсказывать о цѣломъ рядѣ такихъ деталей, о которыхъ я лично ничего не зналъ. Онъ сказалъ, что находитъ много недостатковъ, о которыхъ, конечно, знаютъ и Морской Министръ и Командующій Морскими силами въ Балтійскомъ морѣ, и, что конечно, со временемъ устранятъ ихъ. Говоря о Морскомъ Министрѣ и объ Адмиралѣ фонъ Эссенъ, *) Государь всегда отзывался о нихъ очень хорошо, какъ о людяхъ дѣйствительно талантливыхъ и энергичныхъ. Слушая то, что говорилъ Государь о жизни другихъ отрядовъ и судовъ Балтійскаго и Чернаго моря, я поражался, видя, что и ихъ жизнь Онъ знаетъ также детально, какъ только что приведенный мною случай съ Гардемарнискимъ Отрядомъ.

Между тѣмъ я, плавая на Отрядѣ заграницей, совершенно не зналъ подробностей жизни бригадъ, отрядовъ и дивизій, оставшихся въ Балтійскомъ морѣ.

Эта освѣдомленность Государя мнѣ только лишній разъ доказала, какъ Онъ интересуется жизнью Флота, какъ живетъ его горестями и радостями.

ПОРАЗИТЕЛЬНАЯ ПАМЯТЬ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Иногда Государь поражалъ насъ своею памятью. Онъ зналъ фамиліи всѣхъ командировъ судовъ 1 - го и 2 - го ранговъ въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ и даже во флотиліяхъ Сибирской, Каспійскаго моря и Амурской.

Больше того, Государь часто зналъ имена и отчества командировъ и адмираловъ, иногда помнилъ старшихъ офицеровъ и даже отдѣльныхъ младшихъ офицеровъ флота. Онъ помнилъ кто и на какомъ кораблѣ плавалъ, въ особенности на тѣхъ судахъ, которые уходили заграницу. Мнѣ говорили, что Онъ совершенно также зналъ начальниковъ отдѣльныхъ частей Арміи, уже не говоря о Гвардіи, а вѣдь таковыхъ было гораздо больше чѣмъ во Флотѣ.

*) Командующій Морскими Силами въ Балтійскомъ морѣ.

Неоднократно я могъ убѣдиться лично, какъ Онъ слѣдитъ за мелочами судовой жизни „Штандарта“, какъ Онъ помнитъ посылаемые съ вахты безконечные сигналы и семафоры, которые касались, стоящей на рейдѣ эскадры и которыхъ не помнили сами вахтенные начальники, слѣдившие за этими сигналами и семафорами.

За это же время я убѣдился, какъ тяжело переживаетъ Государь событія общегосударственнаго значенія.

АВАРІЯ „ОЛЕГА“.

Однажды я стоялъ дневную вахту во время завтрака. Ко мнѣ явился вахтенный радіо - телеграфистъ и доложилъ, что начала поступать срочная радіо - телеграмма на имя Его Величества отъ Морского Министра, и что телеграмма непріятная.

Я бросился въ телеграфную рубку. Радіо - телеграммы тогда принимались „на ленту“.

Въ то время, какъ вахтенный телеграфистъ сосредоточенно расшифровывалъ и переписывалъ въ журналъ телеграмму, я по лентѣ убѣдился, что телеграмма сообщаетъ объ аваріи крейсера „Олегъ“, который въ туманѣ, идя въ Либаву, въ раіонѣ маяка Стейнортъ выскочилъ на прибрежныя отмели. Изъ Либавы крейсеръ долженъ былъ идти заграницу.

Изъ телеграммы слѣдовало, что крейсеръ находится въ тяжеломъ положеніи, что мѣры къ его спасенію приняты и что человѣческихъ жертвъ нѣтъ. Не ожидая конца телеграммы, я послалъ предупредить флагъ-капитана Его Величества. Улучивъ минуту, адмиралъ Ниловъ вышелъ ко мнѣ и приказалъ, чтобы до окончанія пріема радіо-телеграммы, текста ея не докладывать Государю, а если Онъ выйдетъ на палубу раньше, то постараться, чтобы телеграмма не стала бы Ему извѣстна преждевременно.

Черезъ нѣкоторое время Государь вышелъ на палубу и, подойдя къ телеграфной рубкѣ, спросилъ меня нѣтъ ли какихъ-нибудь срочныхъ депешъ. Я доложилъ, что идетъ срочная радіо-телеграмма на имя Его Величества отъ Морского Министра, но что она пока еще не вся принята. Стоявшій въ отдаленіи Флагъ-Капитанъ укоризненно покачалъ головою въ мою сторону и сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе плечомъ. Государь вошелъ въ рубку, отодвинулъ вытянувшагося радіо-телеграфиста и нервно наклонился надъ телеграфнымъ журналомъ, куда уже была вписана часть идущей телеграммы.

Я стоялъ сзади Его Величества и слышалъ, какъ Онъ шепо-

томъ читалъ про себя написанныя карандашомъ строки-„Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству, что такого то числа, крейсеръ „Олегъ“, идя въ туманѣ и т. д.“

На лицѣ Государя я замѣтилъ едва уловимую судорогу и выраженіе глубокаго страданія.

Онъ отвернулся отъ журнала и какъ бы усталый опустился на табуретъ, стоявшій около телеграфнаго столика. Я услышалъ Его голосъ, грустный и перемѣнившійся-„Боже, какъ не везетъ. Слава Богу, что нѣтъ погибшихъ.“

Затѣмъ, быстро овладѣвъ собою, Онъ всталъ и рѣзко спросилъ меня—„отчего Мнѣ не было доложено немедленно, что идетъ срочная телеграмма на Мое имя?“

Я доложилъ, что я считалъ необходимымъ принять точно весь текстъ, уже провѣренный и лишь тогда доложить, не тревожа Государя во время завтрака.

„Вы должны были немедленно послать доложить Мнѣ,“ сказалъ Государь и вышелъ изъ рубки. Я посмотрѣлъ Ему вслѣдъ и сердце мое сжалось отъ жалости, видя Его страданіе.

КАКЪ НА НЕГО КЛЕВЕТАЛИ.

Послѣ этого случая мнѣ смѣшно читать въ воспоминаніяхъ, увѣренія нѣкоторыхъ людей, что Государь былъ равнодушенъ къ такому событію, какъ гибель подъ Цусимой 2-й Тихоокеанской эскадры. Что, якобы, когда Ему подали телеграмму, сообщающую объ этомъ ужасномъ событіи, Онъ равнодушно положилъ ее въ карманъ и продолжалъ играть въ карты. Именно это мнѣ только еще разъ доказываетъ, какъ Государь умѣлъ владѣть собой, а тамъ, гдѣ Онъ могъ быть просто человѣкомъ и не скрывать своего страданія, какъ это было на „Штандартѣ“, тамъ даже сравнительно небольшое, но обще-русское горе, какъ аварія „Олега“ заставило Его такъ страдать.

Въ этотъ же періодъ на „Штандартѣ“ жилъ, прибывшій изъ Парижа, нашъ Военно-Морской Агентъ во Франціи. Я видѣлъ, какъ Государь его разспрашивалъ про французскій флотъ. Какъ Онъ интересовался маневрами флота, спрашивалъ про стрѣльбу, про техническія усовершенствованія, про отдѣльныхъ французскихъ адмираловъ, изъ которыхъ нѣкоторыхъ Онъ зналъ лично.

Интересовался также Государь тѣмъ, какъ проходятъ спектакли

оперы „Борисъ Годуновъ“ въ Парижѣ, какъ оцѣнили французы эту оперу, поняли ли они красоты музыки Мусоргскаго, какъ имъ понравился нашъ пѣвецъ Шаляпинъ. Онъ говорилъ, какъ Ему пріятно, что наше искусство проникаетъ заграницу и что иностранцы по нашей музыкѣ могутъ узнать душу нашего народа. Во время этого разговора о русской музыкѣ и о русскомъ искусствѣ я ясно видѣлъ, что Государь не только любитъ, но и прекрасно понимаетъ и цѣнитъ русское искусство.

Въ другихъ случаяхъ я имѣлъ возможность убѣдиться, какъ Государь любитъ и знаетъ исторію Россіи, какъ Онъ любитъ нашу поэзію и литературу.

Вспоминаются и другіе случаи, рисующіе духовный обликъ Государя. Однажды, во время обѣда, когда на „Штандартѣ“ не было никого кромѣ Царской Семьи, Свиты и судовыхъ офицеровъ, кто-то сдѣлалъ какую-то шалость съ однимъ изъ офицеровъ и началъ оправдываться, что это не онъ, что это придумалъ кто-то изъ офицеровъ съ другихъ судовъ эскадры и т. д. Я не помню точно въ чемъ было дѣло, но тотъ, кого дразнили и шутя обвиняли, вдругъ на весь столъ сказалъ плаксивымъ голосомъ - „на бѣднаго Макара всѣ шишки валятся“. Государь, который до того улыбаясь слѣдилъ за разговоромъ, вдругъ серьезно посмотрѣлъ на этого офицера и грустно сказалъ—„Да, дорогой мой, всегда и во всѣхъ случаяхъ. Это я по Себѣ знаю. Такова судьба.“ Я какъ сейчасъ вижу, какъ вдругъ замолкъ веселый разговоръ, нѣсколько минутъ было молчаніе, точно мы всѣ поняли, какъ много трагизма въ этихъ, сорвавшихся съ устъ Государя, словахъ.

ГОСУДАРЬ И ЕГО ВРАГИ.

Пришлось мнѣ также увидѣть, какъ относился Государь къ горю тѣхъ, кто Его такъ ненавидѣлъ. Однажды на „Штандартѣ“ была получена радіо-телеграмма на имя Государыни, въ которой жены какихъ-то осужденныхъ на каторжныя работы за подготовку террористическаго покушенія, просили Царицу „смягчить сердце Царя“ и облегчить участь осужденныхъ. Помнится, какъ кто-то около телеграфной рубки сказалъ, что эти люди осуждены не на смертную казнь, сами же они собирались убивать людей, у которыхъ тоже есть жены и дѣти; они вѣдь не считали нужнымъ „миловать“ этихъ людей, такъ на какомъ же основаніи они сами ждутъ милости? Телеграмма была доложена Его Величеству и, примѣрно черезъ часъ, изъ Канцеляріи

Его Величества на вахту былъ присланъ отвѣтъ съ повелѣніемъ передать немедленно по радіо Предсѣдателю Совѣта Министровъ, что по докладѣ Его Величеству телеграммы, присланной на имя Ея Величества, Государю Императору было благоугодно повелѣть смягчить приговоръ Суда въ отношеніи осужденныхъ и замѣнить наказанія болѣе легкими.

У тѣхъ, кто называетъ Государя „Николаемъ-Кровавымъ", этотъ случай, можетъ быть, пробудитъ совѣсть.

ОТНОШЕНІЕ ГОСУДАРЯ КЪ ЗАКОНУ.

Въ обратномъ случаѣ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ того, какъ отнесся Государь къ просьбѣ, которая могла бы быть удовлетворена по закону, не прибѣгая къ Монаршей Милости.

Это было такъ: одинъ офицеръ, отецъ котораго былъ убитъ въ 1906 году шайкой соціалистовъ революціонеровъ, ибо былъ принятъ ими „по ошибкѣ" за Министра Внутреннихъ Дѣлъ, просилъ знакомаго флигель-адъютанта доложить Государю, что его мать, вдова этого убитаго „по ошибкѣ" человѣка, не получила полной пенсіи, ибо ея покойный мужъ не дослужилъ нѣсколькихъ лѣтъ до этой пенсіи. Сынъ просилъ, что можетъ быть Государь нашелъ бы возможнымъ, въ виду тяжелаго матеріальнаго положенія матери, повелѣть выдавать ей полную пенсію, особенно учитывая ея уже очень преклонный возрастъ и потерю ею почти полностью зрѣнія на почвѣ нервнаго потрясенія.

Однако Государь, который лично зналъ этого офицера, на докладъ флигель - адъютанта сказалъ, что это дѣло надо срочно передать на разсмотрѣніе того Министра, въ вѣдомствѣ котораго служилъ покойный, что Государь увѣренъ, что просьба не является изъятіемъ изъ закона и что она будетъ быстро удовлетворена.

Весьма скоро и на основаніи спеціальнаго закона для лицъ, пострадавшихъ во время безпорядковъ эта вдова получила не только полную пенсію, но даже усиленную пенсію. Въ этомъ фактѣ я увидѣлъ насколько Государь, который по мнѣнію нѣкоторыхъ „все можетъ", относится бережно къ закону и какъ онъ чутокъ къ горю тѣхъ, кто обращается къ Нему за помощью; Ему не хотѣлось, чтобы вдова покойнаго получила бы „милостыню", но, Онъ желалъ, чтобы ея жизнь была обезпечена вполнѣ строго по закону.

Вотъ эта-то черта щепетильной деликатности и чуткости, ко-

торая такъ ясна была всѣмъ тѣмъ, кто часто бывалъ около Государя невольно вызываетъ сравненіе съ дѣятелями такъ называемаго „освободительнаго движенія". Сравните порядокъ продвиженія по службѣ, подачки, изъятія изъ закона для родственниковъ, друзей по партіи и знакомыхъ нѣкоторыхъ „революціонныхъ" министровъ Временнаго Правительства, не говоря уже о нынѣшнихъ сатрапахъ и невольно становится стыдно за тѣхъ, кто говорилъ, что Государь смотрѣлъ на Россію, какъ на свою „вотчину", а на законъ, какъ на установленіе яко-бы для Него не существующее.

ГНУСНЫЙ НАВѢТЪ НА ГОСУДАРЯ.

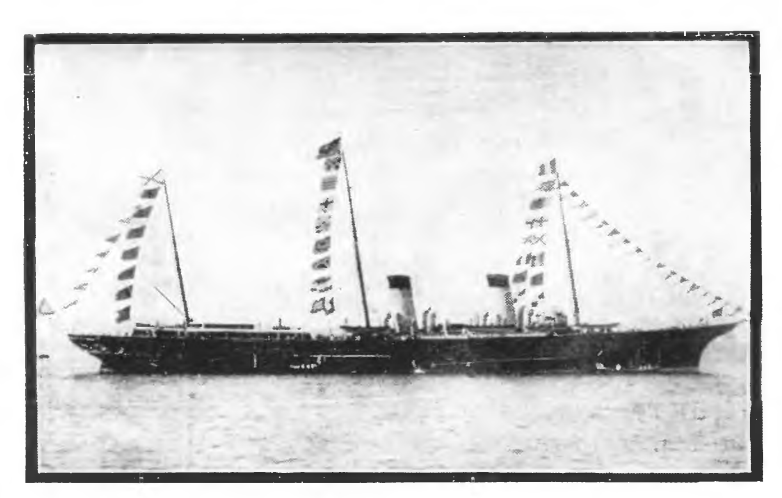
Въ заключеніе мнѣ приходится еще разсѣять легенду, что Государь якобы пилъ. Казалось бы на „Штандартѣ", окруженный совсѣмъ маленькой Свитой и офицерами, Государь, если бы Онъ дѣйствительно имѣлъ пристрастіе къ вину, могъ бы пить совершенно свободно. Между тѣмъ, за все время пребыванія моего на „Штандартѣ" я никогда не видѣлъ и не слышалъ, чтобы Государь пилъ, или любилъ пить. Видѣлъ же я, какъ разъ, обратное. Во время завтраковъ и обѣдовъ, закуска подавалась „а ла фуршетъ" за отдѣльнымъ столомъ. Какъ только всѣ собирались, Государыня и Великія Княжны становились въ сторонѣ и неподвижно стояли въ то время, какъ Государь, проведя характернымъ движеніемъ правой руки по усамъ, произносилъ всегда одну и ту-же фразу — „Прошу господа къ закускѣ и водкѣ". Затѣмъ Онъ подходилъ къ столику, наливалъ Себѣ рюмку простой водки (на столѣ стояли водки разныхъ марокъ), выпивалъ ее и бралъ какую нибудь закуску. Зная, что другимъ неловко закусывать, когда Онъ кончилъ, Государь обыкновенно вступалъ съ кѣмъ-нибудь въ разговоръ и бралъ на свою тарелочку, которую Онъ держалъ въ рукахъ, еще какую-нибудь закуску, которую обыкновенно такъ и оставлялъ несъѣденной. Я не помню ни разу, чтобы Государь выпилъ вторую рюмку водки, въ то время, какъ многіе изъ насъ пили двѣ рюмки и болѣе. Когда всѣ кончали закусывать, Государь вопросительно смотрѣлъ на Государыню и Она наклономъ головы приглашала всѣхъ занять мѣста за столомъ. Къ каждому блюду подавалось соотвѣтствующее вино, причемъ вина изъ дворцовыхъ погребовъ были самыхъ тонкихъ и лучшихъ въ мірѣ марокъ. Послѣ сладкаго подавалось или шампанское или мозельвейнъ. Пили эти вина, такъ какъ это бывало принято обыкновенно въ то время при большихъ обѣдахъ въ хорошихъ ресторанахъ, однако я ни разу не видѣлъ, чтобы Государь пилъ

послѣ каждаго блюда соотвѣтствующее ему вино, какъ это дѣлали почти всѣ. Обычно Ему наливали большой бокалъ минеральной воды („Боржомъ“, „Нарзанъ“, „Эссентуки“ или просто содовой воды). Къ концу обѣда Ему наливали большую рюмку, обыкновенно, бѣлаго вина, иногда Онъ доливалъ этимъ виномъ наполненный до половины бокалъ съ минеральной водой. Послѣ сладкаго Ему наливали фужеръ шампанскаго или мозельвейна, который Онъ, пригубивъ нѣсколько разъ, обыкновенно оставлялъ недопитымъ. Къ кофе подавались разные ликеры. У меня совершенно не осталось въ памяти, чтобы Государь пилъ ликеры. Я вижу Его всегда съ маленькой чашечкой кофе, бесѣдующимъ съ кѣмъ-нибудь. Такъ Государь оставался до тѣхъ поръ, пока всѣ не кончали пить кофе. Тогда Онъ ставилъ свою чашечку, бралъ фуражку и выходилъ на верхнюю палубу. Это повторялось изо-дня въ день на глазахъ у всѣхъ насъ. Когда Государь засиживался въ каютъ-компаніи за игрой въ домино, какъ я писалъ выше, то послѣ полночи подавался легкій ужинъ. Я помню, какъ Государь обычно клалъ себѣ на тарелочку кусокъ ветчины, иногда наливалъ стаканъ краснаго вина, который часто оставался недопитымъ, пока Государь игралъ въ домино.

Иногда, вмѣсто вина Онъ просилъ дать ему минеральной воды. Затѣмъ рядомъ съ тарелкой ветчины появлялась чашка чаю, которую Онъ просилъ повторить.

Все это было настолько обычно и регулярно, что мнѣ странно себѣ представить, почему на „Штандартѣ“ Государь велъ одинъ образъ жизни, а на берегу велъ бы другой? Это тѣмъ болѣе мало вѣроятно, что на томъ же „Штандартѣ“, тѣ, кто хотѣлъ пить, могли это дѣлать легко. Настолько легко, что я помню, какъ, однажды, во время ночной вахты, мнѣ захотѣлось пить и я послалъ разсыльнаго принести мнѣ стаканъ воды или холоднаго чая. Неожиданно для меня ко мнѣ на вахту явился придворный лакей и принесъ на подносѣ „Боржомъ“, бутылку очень хорошаго краснаго вина и тарелку съ ветчиной, сказавъ, что молъ “Ваше Высокоблагородіе вахта долгая, еще проголодаетесь, а ночью сыро и холодно“.

Вотъ, въ какомъ видѣ фактически протекала на моихъ глазахъ жизнь Государя на „Штандартѣ“ въ 1908 году.

Императорская яхта „Штандартъ“

Августѣйшая Семья.

ГЛАВА VIII

Теперь разскажу о Его Семьѣ. Государыня въ это время была очень больна и часто оставалась весь день въ своей маленькой рубкѣ, полулежа на диванѣ, но все время рукодѣльничая или рисуя.

Съ нами, по крайней мѣрѣ со мной, Она говорила очень рѣдко и точно стѣснялась. Со мной она говорила по русски, но видимо это было Ей трудно и у Нее былъ слышенъ немного англійскій акцентъ. Однажды мнѣ пришлось быть съ Нею подольше, въ день когда Она взяла меня на прогулку въ лѣсъ за ягодами и грибами.

Государыня была съ Дочерьми и съ одной фрейлиной. Гуляя по лѣсу, Она меня подробно разспрашивала о моей матери, о нашей совмѣстной жизни, о томъ что я думаю дѣлать въ будущемъ, не трудна ли для меня морская служба, которая такъ отрываетъ людей отъ семьи. Государыня подчеркивала, что, по Ея мнѣнію, семья является основой всего; что она есть радость и счастье и бѣднаго и богатаго и она же является основой Государства. Во время этой прогулки я видѣлъ какъ Она ласкова со Своими Дѣтьми, какая любовь свѣтится въ Ея глазахъ, и тутъ я первый разъ понялъ, что та холодность и какъ бы сухость, которыя казались присущими Государынѣ, вѣроятно были просто результатомъ Ея застѣнчивости и болѣзненности. И въ Ней я видѣлъ какую то грусть, тогда мнѣ еще непонятную. Однажды, когда я стоялъ вахту днемъ, Государыня попросила меня постоять неподвижно и сняла меня своимъ маленькимъ „кодакомъ“. Годъ спустя, уже плавая на другомъ кораблѣ, я получилъ изъ Царскаго Села маленькій кон-

вертъ, на которомъ рукою Государыни было написано — „мичману Апрѣлеву". Въ конвертъ была вложена моя фотографія, снятая Ею на „Штандартѣ". Если только подумать сколько людей окружало Государыню я же на „Штандартѣ" былъ случайно, и тѣмъ не менѣе Она черезъ годъ вспомнила обо мнѣ, узнала гдѣ я плаваю и прислала на память тотъ снимокъ который Она сама сдѣлала съ меня.

ПОДАРОКЪ ГОСУДАРЫНИ.

Передъ окончаніемъ плаванья на "Штандартѣ", который пришелъ изъ шхеръ въ Кронштадтъ, Государыня вызвала меня къ Себѣ и какъ то застѣнчиво сказала — „вотъ мы уѣдемъ скоро. Возьмите это отъ Насъ на память. Я выбрала это для васъ по цвѣту вашихъ глазъ и волосъ. Это будетъ вамъ пріятно". Съ этими словами Она подала мнѣ маленькую красную коробочку съ золотымъ двуглавымъ орломъ на крышкѣ. Въ коробочкѣ лежали прелестныя золотыя запонки, работы Фаберже, отдѣланныя эмалью цвѣта перламутра съ голубоватымъ отливомъ и съ брильянтовыми коронками въ серединѣ поля.

Я поцѣловалъ руку Государыни и взволнованно поблагодарилъ Ее за эту ласку. Въ этотъ моментъ я увидѣлъ въ Ея глазахъ точно материнскую нѣжность и Она сказала — „Поклонитесь вашей мамѣ и оставайтесь такимъ же хорошимъ, какой Вы теперь". Это отношеніе, эти слова, а главное взглядъ, тонъ, все это даютъ обликъ Государыни совсѣмъ не тотъ, который Она могла производить и призводила на мало знавшихъ Ее людей. Я вышелъ отъ Нее совсѣмъ растроганный и со слезами на глазахъ.

ВЕЛИКІЯ КНЯЖНЫ.

Великія Княжны на „Штандартѣ“ были тогда еще дѣтьми, но дѣтьми которыхъ любили всѣ, кто только былъ къ нимъ близокъ. Я лично носился съ Ними по палубѣ, играя въ „пятнашки“ и другія игры.

Онѣ были прекрасно воспитаны и были совершенно русскими по духу и по воспитанію. Можетъ быть мало кто знаетъ, что каждая изъ Нихъ на „Штандартѣ“ имѣла около Себя „дядьку“—матроса изъ команды „Штандарта“. Задача дядекъ была неотлучно находиться при „Княжнахъ“, какъ они Ихъ называли, и смотрѣть, чтобы Онѣ не упали за бортъ, не разбились бы во время игръ и т. д.

Государь не хотѣлъ, чтобы Его дочерей на „Штандартѣ“ титуловали полнымъ титуломъ. Онѣ назывались просто Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна, Марія Николаевна и Анастасія Николаевна.

Со своими дядьками Онѣ были прямо трогательны. Онѣ писали имъ письма „домой“, знали всѣ ихъ деревнскія горести и заботы, а что самое главное отъ этихъ-дядекъ они выучили чисто русскій языкъ, выучили и полюбили русскія народныя пѣсни, знали разныя обычаи, примѣты и поговорки нашей деревни.

Помнится мнѣ какъ то Старшій Офицеръ разсердился на дядекъ, что они отъ бездѣлья и нематроскаго дѣла жирѣютъ и отучаются отъ службы. Онъ рѣшилъ собрать всѣхъ 4-хъ дядекъ, младшаго фельдшера и писарей и составить изъ нихъ шлюпку, которую приказалъ посылать на тренировку передъ гребной гонкой.

Однажды дядьки, фельдшеръ и писаря были выстроены на лѣвомъ шкафутѣ и Старшій Офицеръ, строго пройдя по фронту, требовалъ отъ нихъ, чтобы они не „подгадили“ и „не подвели бы“ команду Гвардейскаго Экипажа на гонкѣ, долженствующей состояться въ тотъ же день.

Передъ глазами моими стоитъ и сейчасъ эта картина. Дядьки, фельдшеръ и писаря, вытянувшись въ струнку, смотрятъ прямо въ глаза Старшему Офицеру, который имѣетъ строгій и суровый видъ, а въ отдаленіи всѣ четыре „Княжны“ скорбно глядятъ на своихъ дядекъ и заливатся горькими слезами, которыя Онѣ вытираютъ своими рученками и жалобно всхлипываютъ.

Мнѣ ихъ стало такъ жаль, что я подошелъ и спросилъ ихъ, почему Онѣ такъ горько плачутъ, и сквозь рыданія, я слышу милые дѣтскіе голоса—„Сергѣй Николаевичъ *) мучаетъ нашихъ дядекъ. Чѣмъ они виноваты, что они съ Нами возятся? А ихъ всѣ и офицеры и матросы презираютъ. Почему?..“ и опять рыданія. Эта сцена развѣ не рисуетъ намъ весь душевный міръ милыхъ „Княженъ“?

---

*) Старшій Офицеръ.

Ихъ Императорскія Высочества Великія Княжны Ольга, Татьяна, Марія и Анастасія Николаевны.

Дядьки не „подгадили“ и, обливаясь потомъ, пришли съ гонки на яхту съ призомъ. Надо было видѣть восторгъ „Княженъ“. Онѣ съ горящими глазами ждали у трапа возвращенія своихъ дядекъ и привѣтствовали ихъ громкими криками и аплодисментами.

Второй разъ я видѣлъ „Княженъ“ горько плачущими при отъѣздѣ Царской Семьи со „Штандарта“ въ Кронштадтѣ. Онѣ рыдали, такъ Имъ не хотѣлось уѣзжать. Задолго до отъѣзда, уже плачущія, Онѣ прощались съ каждымъ изъ насъ —„Вы знаете, вы знаете какъ намъ здѣсь было хорошо“. Въ моментъ отъѣзда рыданія Ихъ усилились. Я, какъ самый младшій, стоялъ „фалрепнымъ“ на нижней площадкѣ Царскаго трапа и не видѣлъ какъ Онѣ прощались съ офицерами. Проходя мимо меня на Императорскій катеръ „Бунчукъ“, стоящій у трапа, рыдающія „Княжны“ не могли сказать ни слова отъ душившихъ Ихъ слезъ и только каждая протянула мнѣ свою маленькую ручку, да Татьяна Николаевна, сквозь слезы сказала—„до свиданья, не забывайте Насъ“.

Черезъ минуту „Бунчукъ“ отвалилъ на Императорскую яхту „Александрія“, увозя отъ насъ Государя и Его Семью. Затѣмъ „Александрія“ снялась съ якоря и пошла въ Петергофъ.

НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ.

Нѣсколько особо было положеніе на „Штандартѣ“ Наслѣдника Цесаревича. Онъ былъ еще совсѣмъ маленькій, почти все время на рукахъ у своего „дядьки“, который съ нимъ игралъ. По приказанію Государя офицеры, особенно стоящіе на вахтѣ, старались быть съ Наслѣдникомъ построже, понемногу пріучая его къ морской службѣ.

Иногда Государь разрѣшалъ Ему поздороваться съ командой или съ карауломъ, чтобы Онъ пріучался здороваться и принимать отвѣтъ.

Офицеры учили Его понемногу различнымъ морскимъ терминамъ и командамъ. Иногда днемъ, Наслѣдникъ, съ группой маленькихъ юнгъ „Штан-

дарта“, съ которыми Онъ игралъ, устраивалъ на ютѣ примѣрный „спускъ флага“. Юнги играли роль караула, горнистовъ и музыкантовъ, а Наслѣдникъ былъ Вахтеннымъ Начальникомъ. Настоящій Вахтенный Начальникъ въ этотъ моментъ дѣлался или „командиромъ“ или „флагъ-капитаномъ“ или же „Государемъ“. Наслѣдникъ долженъ былъ командовать и рапортовать точно по Уставу. Я помню какъ маленькій Наслѣдникъ конфузился, какъ ему трудно было громко командовать и отдавать приказанія. Иногда мнѣ казалось что у Него просто капризный характеръ, что Онъ не хочетъ учиться морской службѣ, но потомъ, много лѣтъ спустя, узнавъ о Его болѣзни, я понялъ какъ бѣдный малютка долженъ былъ страдать и какъ Ему хотѣлось быть здоровымъ, лихимъ, веселымъ и „молодчиной“. Понятно мнѣ стало, что имѣя такую страшную болѣзнь Онъ не могъ быть тѣмъ, чѣмъ Ему бы хотѣлось и что было бы Ему свойственнс по возрасту.

Надо отмѣтить еще характерную черту въ жизни Царской Семьи на „Штандартѣ“. Плавая на немъ, будучи совсѣмъ близко къ этой Семьѣ, я даже не подозрѣвалъ, что Наслѣдникъ тяжело боленъ, можетъ быть неизлѣчимой болѣзнью гемофиліей. Между тѣмъ, когда я узналъ объ этомъ впослѣдствіи, какъ мнѣ стало понятно многое - и грусть Государя и нервность, и кажущаяся сухость Государыни и печальные глазки маленькаго Наслѣдника. Какую Они должны были переживать душевную драму и скрывать ее даже въ тѣсномъ кругу на “Штандартѣ“.

Въ связи съ этимъ мнѣ вспоминается случай, когда я игралъ съ „Княжнами“ на верхней палубѣ „въ прятки“. Къ намъ подбѣжалъ маленькій Наслѣдникъ и заявилъ, что онъ тоже желаетъ играть.

„Княжны“ сказали, что Онѣ не желаютъ съ нимъ играть, что Онѣ рѣшили, что дѣвочки играютъ съ дѣвочками, а мальчики съ мальчиками. Тогда Наслѣдникъ заявилъ, — „А почему съ Вами офицеръ?“

„Княжны“ объяснили, что Онѣ всегда со мной играютъ, что Онѣ сами меня „выбрали“, а Его не хотятъ приглашать. Малютка горько заплакалъ и въ Его грустныхъ глазкахъ, похожихъ на глаза Государя, я увидѣлъ совсѣмъ не дѣтское страданіе и обиду. Мнѣ казалось, что почему бы Ему съ нами не побѣгать? Но Ольга Николаевна, выразительно взглянувъ на меня и приложивъ свой пальчикъ къ губамъ, взяла Его за ручку и увела внизъ Сколько бѣдный Наслѣдникъ долженъ былъ испытать за свою короткую страдальческую жизнь, лишенный возможности играть и развиваться какъ всѣ дѣти По немногимъ моимъ разговорамъ съ Нимъ я видѣлъ, какъ Ему хотѣлось бы быть сильнымъ, бодрымъ. Какъ радостно Онъ улыбался, когда кто-нибудь изъ офицеровъ говорилъ Ему, что Онъ сдѣлалъ то, или другое, какъ подобаетъ настоящему „строевому“ матросу Гвар-

дейскаго Экипажа. Видно было какъ бѣдный мальчикъ интересуется различными приборами и механизмами на кораблѣ, но замѣтно было, что что-то ему мѣшаетъ быть веселымъ и счастливымъ. Впослѣдствіи только я узналъ, что это „что-то“ была Его ужасная болѣзнь.

МОЯ ДАЛЬНѢЙШАЯ СЛУЖБА.

Плаванье на „Штандартѣ кончилось. Я могъ и мнѣ очень хотѣлось остаться на „Штандартѣ“ и перевестись въ Гвардейскій Экипажъ, но мои личныя дѣла, общее мнѣніе о необходимости для молодого офицера служить „въ строю“ не дали возможности осуществиться этой мечтѣ. Больше я никогда въ жизни не былъ такъ близко къ Государю и Его Семьѣ.

Казалось Они то меня должны были бы совсѣмъ забыть, а между тѣмъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, знакомые мнѣ флигель-адъютанты изъ морскихъ офицеровъ, послѣ дежурства въ Царскомъ Селѣ, передавали мнѣ, что Государь и Государыня спрашивали обо мнѣ, спрашивали почему я не на „Штандартѣ“, интересовались моимъ здоровьемъ. Казалось бы кѣмъ я былъ для Нихъ? Какую роль игралъ въ Ихъ жизни? Это вниманіе и память я могу объяснить только тѣми исключительно выраженными душевными свойствами и Государя и Государыни, о которыхъ я писалъ выше. Удивительную чуткость, ласку, вниманіе, человѣчность и нѣжность я, безъ всякой заслуги съ моей стороны, испытывалъ всегда, будучи около Нихъ.

Много времени спустя, когда я былъ слушателемъ Императорской Николаевской Военной Академіи, я встрѣтилъ какъ то всѣхъ четырехъ „Княженъ“ на Царскосельскомъ вокзалѣ въ С. Петербургѣ. Онѣ были уже совсѣмъ подростками—„барышнями“, какъ сказали бы ихъ дядьки на „Штандартѣ“. Прошли Онѣ довольно далеко отъ меня и вдругъ увидѣвъ меня всѣ четверо радостно замахали мнѣ своими ручками и закричали—„здравствуйте, здравствуйте. Гдѣ Вы теперь? „И въ этихъ милыхъ Великихъ Княжнахъ я такъ и вижу тѣ чудныя черты характера, которыя были у Ихъ Родителей.

ОПЯТЬ НА „АЛМАЗЪ".

1910 годъ.

Вернувшись на „Алмазъ", и готовясь къ поступленію въ Офицерскій Артиллерійскій классъ, я случайно опять попалъ въ очень интересное плаваніе. Неожиданно „Алмазъ" былъ назначенъ въ конвой Императорской яхты „Штандартъ", идущей изъ С. Петербурга, вокругъ Европы, въ Черное море черезъ проливы. Истинной причиной назначенія „Алмаза" въ это интересное плаванье было желаніе Морского Министерства вообще перевести „Алмазъ" въ Черное море, куда онъ и былъ впослѣдствіи переведенъ.

Въ Черномъ морѣ „Штандартъ" долженъ былъ принять на бортъ Государя и Его Семью, которые поѣхали сухимъ путемъ изъ Царскаго Села въ Севастополь. Послѣ смотра Черноморскаго флота, Государь съ Семьею собирался на „Штандартѣ" идти въ Ялту и на этомъ переходѣ „Алмазъ" долженъ былъ Ихъ конвоировать.

До пріѣзда Государя въ Севастополь „Алмазъ" принялъ участіе въ большихъ маневрахъ Черноморскаго флота и былъ кораблемъ Главнаго Посредника (Начальника Морского Генеральнаго Штаба). На немъ же были размѣщены Офицеры Морского Генеральнаго Штаба и отдѣльныхъ частей Балтійскаго флота, прибывшіе на маневры изъ С. Петербурга.

Я не имѣю возможности здѣсь описать интересное плаванье „Алмаза". Мы шли отдѣльно отъ „Штандарта", который вышелъ раньше насъ. Маршрутъ нашъ былъ: Кронштадтъ, Либава, Киль, Роттердамъ, Шербургъ, Алжиръ, Константинополь и не останавливаясь тамъ, Севастополь.

ВЫСОЧАЙШІЙ СМОТРЪ.

Маневры кончились. Морскія силы Чернаго моря сосредоточились въ Севастополѣ. Мы и „Штандартъ" стояли въ Южной Бухтѣ. Флотъ въ колоннахъ стоялъ на бочкахъ въ Сѣверной Бухтѣ.

Государъ съ Семьею прибылъ въ поѣздѣ и прямо проѣхалъ на "Штандартъ". Намъ Они были видны лишь издали, на катерѣ.

До сихъ поръ въ глазахъ моихъ стоитъ чудная картина Высочайшаго смотра Черноморскому Флоту. Государь отвалилъ отъ Графской Пристани на великолѣпной Императорской 18-ти весельной

Берегъ Крыма близъ Севастополя.

баржѣ. На бакѣ баржи взвился Брейдъ - Вымпелъ Государя Императора. На рулѣ офицеръ, рядомъ съ нимъ Флагъ - Капитанъ Его Величества, рядомъ съ офицеромъ и на бакѣ два старыхъ черноморскихъ боцмана, въ фуражкахъ съ длинными козырьками и съ дудками на груди. Оба эти боцмана живыя реликвіи, участники Синопскаго боя при Адмиралѣ П. С. Нахимовѣ. Тогда имъ было по 20-ть лѣтъ — теперь они древніе старцы по 80-ть лѣтъ отъ роду. Баржа идетъ подъ веслами. Гребцы подобраны одинъ къ одному и гребутъ особой, „тихоокеанской“ греблей, при которой весла заносятся вверхъ и создается впечатлѣніе птицы, летящей надъ поверхностью воды. Флотъ стоитъ въ Сѣверной бухтѣ. Чудная сине-черная гладь бухты въ этотъ день была тиха. Силуэты кораблей отражаются въ водѣ.

Баржа Государя выходитъ въ Сѣверную бухту. Вотъ она поворачиваетъ вдоль линіи кораблей, съ которыхъ несутся крики „ура“ и идетъ къ флагманскому кораблю Командующаго Морскими Силами Чернаго моря. Солнечный роскошный день. Опять картина, которую трудно описать тому, кто не видѣлъ ее лично. Совсѣмъ другая природа, чѣмъ въ Балтійскомъ морѣ, совсѣмъ другія краски, даже лица матросовъ какъ будто другія, видъ кораблей иной и тѣмъ не менѣе это все та-же Россія, все та-же ея красота въ другой формѣ и это видятъ и въ этомъ лично участвуютъ тысячи матросовъ и несмѣтныя толпы народа на Приморскомъ бульварѣ и по берегамъ обѣихъ бухтъ.

По окончаніи смотра, Государь вернулся на „Штандартъ“ и кажется, въ тотъ же вечеръ мы вышли въ море. Весь Черноморскій Флотъ конвоировалъ „Штандартъ“.

ПЕРЕХОДЪ ВЪ ЯЛТУ.

Дивная, теплая, южная ночь. Слѣва отъ насъ высокіе берега Крыма—Ай-Тодоръ, Симеизъ, Алупка...Несмотря на темноту, видны очертанія берега, мы идемъ очень близко къ нему. Иногда береговой вѣтерокъ донесетъ запахъ травъ или цвѣтовъ. „Штандартъ" идетъ впереди, мы — ему въ кильватеръ. Справа и слѣва, спереди и сзади, бригады, отряды, дивизіоны Морскихъ Силъ Чернаго моря точно громадный плавучій городъ, движимый общимъ стремленіемъ и управленіемъ, освѣщенный огнями, скользитъ по поверхности спокойнаго моря.

Берегъ Крыма. Георгіевскій монастырь.

Внезапно всѣ огни на корабляхъ, конвоирующихъ „Штандартъ" и „Алмазъ", гаснутъ. Только на этихъ двухъ яхтахъ видны ярко освѣщенные иллюминаторы, рубки и ходовые огни. Волшебная картина плавучаго города пропала. На флагманскомъ кораблѣ гдѣ-то изъ темноты мигаютъ сигналы „клотикомъ", то есть лампочкой на верхушкѣ мачты. Черезъ мгновеніе на всѣхъ корабляхъ зажигаются прожекторы. Столбы серебристаго свѣта направляются въ небо, упираясь въ точку, расположенную надъ „Штандартомъ". Намъ открывается новая феерическая картина...

Двѣ яхты на черной поверхности моря — это „Штандартъ" и мы, а надъ „Штандартомъ", точно серебристый свѣтовой шатеръ, образованный лучами прожекторовъ, свѣтящихъ съ разныхъ точекъ темнаго моря. Иногда кажется, что съ неба льются серебряныя нити и спустившись до поверхности моря, точно отрѣзаютъ отъ внѣшняго міра—сказочный міръ, окружающій яхту Русскаго царя. И эту красоту,

нашу русскую, намъ принадлежащую, опять видятъ тысячи матросовъ и сотни офицеровъ и они не могутъ не чувствовать, что эта красота насъ всѣхъ подымаетъ надъ уровнемъ обывательской пошлости и банальности.

Линейный корабль „Императоръ Павелъ 1-й".

Послѣ этой иллюминаціи, со „Штандарта" былъ сдѣланъ сигналъ, по которому Государь благодарилъ Черноморскій флотъ и предписывалъ ему слѣдовать далѣе по назначенію. Флотъ вернулся въ Севастополь, а мы со „Штандартомъ" продолжали нашъ путь въ Ялту.

Въ Ялтѣ, Государь съ Семьею съѣхалъ на берегъ и отбылъ въ Ливадію. Затѣмъ выяснилось, что „Алмазъ" отправляютъ обратно въ Балтійское море. Передъ нашимъ уходомъ Государь произвелъ намъ смотръ и прибылъ на „Алмазъ" одинъ, безъ Семьи. У насъ Онъ пробылъ недолго, пожелалъ командѣ счастливаго плаванія и, какъ мнѣ показалось, былъ чѣмъ-то озабоченъ. Какъ только Государь сошелъ съ корабля (мы стояли у стѣнки) у насъ началась суета со съемкой со швартововъ и черезъ полъ часа мы вышли въ море, покидая красавицу Ялту, навсегда. Опять промелькнули Севастополь, Босфоръ, Средиземное море, Гибралтаръ, Шербургъ, Киль, Либава и Санктъ-Петербургъ, куда мы вошли уже во льдахъ.

ЗАКЛАДКА ПОРТА ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

1912 годъ.

Конченъ Офицерскій Артиллерійскій классъ, я младшій артиллерійскій офицеръ на линейномъ кораблѣ „Императоръ Павелъ 1-й". Корабль вошелъ въ строй только въ маѣ этого года, какъ и его

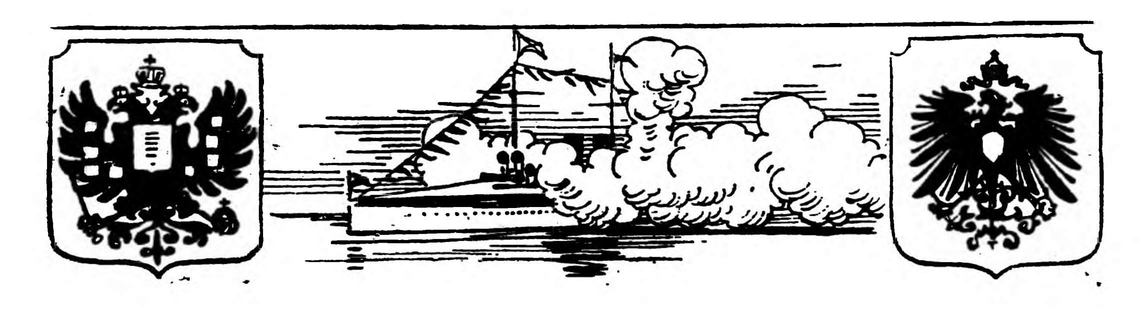
„Sister-Ship“ — „Андрей Первозванный“. Мы оба входимъ въ составъ Бригады Линейныхъ кораблей. Бригада стоитъ на рейдѣ Ревеля. Параллельно намъ — бригада крейсеровъ, немного въ сторонѣ отъ нашихъ линій видѣнъ броненосный крейсеръ „Рюрикъ“ подъ Флагомъ Командующаго Морскими Силами Балтійскаго моря. Вдали, у берега стоятъ дивизіоны 1-й и 2-й минныхъ дивизій. На рейдѣ Отрядъ заградителей и часть учебныхъ судовъ. Балтійскій Флотъ собранъ сюда для присутствія на закладкѣ „Порта Императора Петра Великаго“, нашей новой морской базы. Въ день закладки, 29-го іюня 1912 года, съ моря показалась Императорская яхта „Штандартъ“ подъ брейдъ-вымпеломъ Государя Императора, окруженная судами своего конвоя. Яхта красиво входитъ на рейдъ, конвой отходитъ въ сторону. „Штандартъ“ медленно поворачивается и торжественно идетъ между колоннами линейнымъ кораблей и крейсеровъ.

На броненосномъ крейсерѣ „Рюрикъ“.

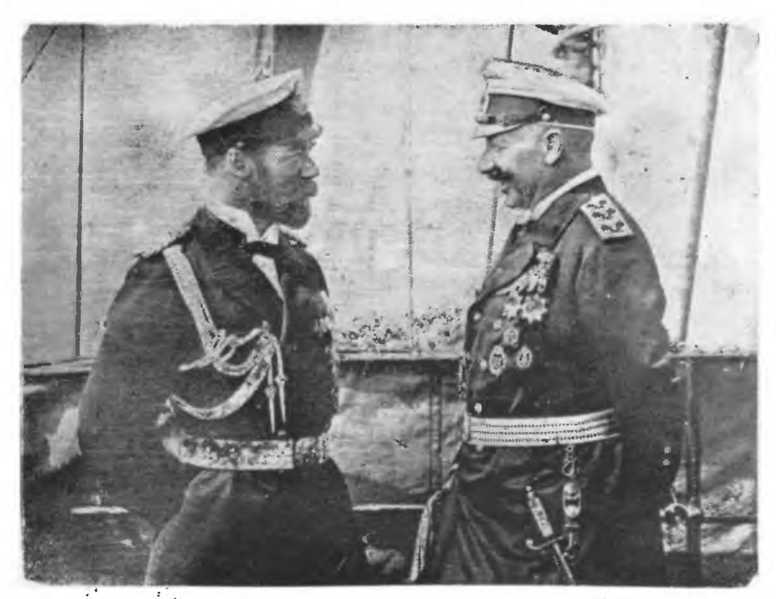
На правомъ крылѣ мостика „Штандарта“ видна фигура Государя Императора — Онъ здоровается съ командами кораблей обѣихъ колоннъ. Крики „ура“, звуки гимна на тѣхъ судахъ, гдѣ имѣются оркестры, широкими мощными звуковыми волнами расходятся по рейду, который точно вправленъ въ роскошную картину Ревеля, съ его старыми кирками, Екатериненталемъ, Вышгородомъ — опять картина достойная кисти великаго художника и опять все наше, все Русское, все особенное.

„Штандартъ“ проходитъ колонны главныхъ силъ и становится на якорь. На немъ медленно-торжественно подымаютъ, взамѣнъ брейдъ-вымпела, Императорскій штандартъ. Съ „Рюрика“ начинается Императорскій салютъ. По второй пушкѣ Адмирала, весь флотъ начинаетъ салютъ и рейдъ заволакивается клубами черно-сѣраго дыма. Далеко, далеко гудятъ и разносятся раскаты пушечныхъ выстрѣловъ.

Свиданіе въ Балтійскомъ порту.

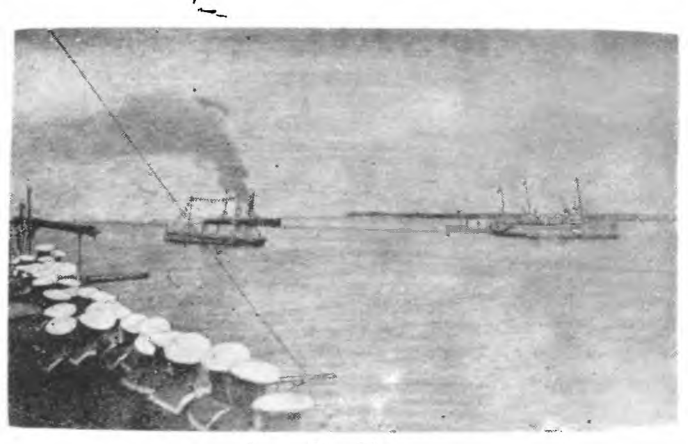
ГЛАВА IX

Государь Императоръ и Императоръ Германскій Вильгельмъ 2-й. Балтійскій Портъ. 1912 г.

Осень того же 1912 года. Императорская яхта „Штандартъ“ съ Государемъ Императоромъ пришла на рейдъ Балтійскаго Порта. Въ конвоѣ „Штандарта“ — линейные корабли „Императоръ Павелъ 1-й“ и „Андрей Первозванный“, а также дивизіонъ эскадренныхъ миноносцевъ. На этотъ же рейдъ пришелъ Императоръ Германскій Вильгельмъ 2-й, на своей яхтѣ „Гогенцолернъ“, въ сопровожденіи посыльнаго судна „Слейпнеръ“ и линейнаго крейсера-дредноута „Мольтке“. Яхта „Гогенцолернъ“ стоитъ въ линіи со „Штандартомъ“. „Мольтке“ между „Императоромъ Павломъ 1-мъ“ и „Андреемъ Первозваннымъ“. Такъ мнѣ довелось быть свидѣтелемъ „свиданія Императоровъ въ Балтійскомъ Порту“.

Я не былъ тогда на „Штандартѣ“, не знаю, что дѣлалось и говорилось тамъ, или на „Гогенцолернѣ“, я могу только описать отдѣль-

Свиданіе въ Балтійскомъ порту.
„Гогенцолернъ“, „Слейпнеръ“ и „Мольтке“ входятъ на рейдъ Балтійскаго порта.

ные моменты, когда Императоры были у насъ на „Императорѣ Павлѣ 1-мъ“, или на смотру на берегу, гдѣ я былъ.

Со „Штандарта“ было передано, что намъ назначенъ Высочайшій смотръ и, что форма одежды должна быть парадная, то есть мундиры съ эполетами, что лѣтомъ бывало лишь по особому распоряженію.

Наступаетъ день смотра. Я оказался на вахтѣ. Ровно въ назначенный часъ отъ „Штандарта“ отваливаетъ катеръ и на немъ оба Императора и Ихъ Свиты. Раздаются звуки гимновъ нашего и германскаго. Это играютъ оркестры на „Штандартѣ“, на „Гогенцолернѣ“, на „Мольтке“ и у насъ.

Наши офицеры и команда выстроены. На фалахъ Штандартовъ Русскомъ и Германскомъ, у гротъ-мачты, стоятъ офицеры. Офицеры же вызваны „фалрепными“.

Какъ только катеръ съ Императорами подошелъ къ борту я командую—„на штандарты—штандарты поднять“. Оба Штандарта развернутыми, медленно ползутъ на клотикъ гротъ-брамъ-стеньги. Всѣ суда, стоящіе на рейдѣ, кромѣ насъ, начинаютъ двойной Императорскій салютъ въ 62 выстрѣла. По рейду несутся клубы порохового дыма, сквозь грохотъ пушекъ доносятся звуки гимновъ.

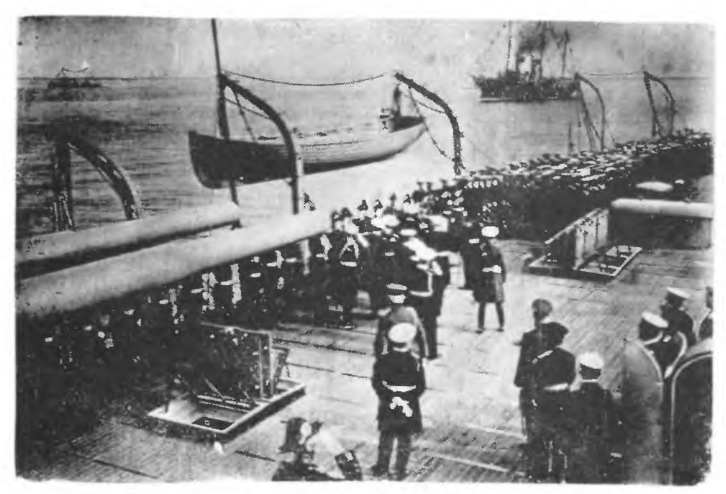
Я командую—„первая вахта—кругомъ!“ въ этотъ моментъ на правомъ трапѣ появляется характерная фигура Германскаго Императора Вильгельма 2-го, въ русской морской формѣ. Сзади него идетъ Государь въ сюртукѣ при кортикѣ.

Командиръ подходитъ съ рапортомъ. Послѣ рапорта командира, рапортую я—„Ваше Императорское и Королевское Величество, на кораблѣ Его Императорскаго Величества „Императоръ Павелъ 1-й“ вахту править наряженъ“.

Императоръ Вильгельмъ рѣзкимъ движеніемъ своей здоровой руки (другая рука его имѣетъ физическій недостатокъ) беретъ у

сопровождающаго его морского агента въ С. Петербургѣ Капитана 2 ранга графа фонъ Кейзерлингъ, орденъ „Прусской Короны“ 4-го класса и прикладываетъ мнѣ его къ груди. Кто-то изъ Свиты подбѣгаетъ и прикалываетъ мнѣ этотъ орденъ. Императоръ Вильгельмъ, не подавая руки ни командиру, ни мнѣ, поворачивается налѣво и идетъ къ фронту офицеровъ. Въ это время Государь, съ улыбкой подходитъ къ командиру, называетъ его по имени и отчеству и пожимаетъ ему руку. Командиръ, какъ полагается, хочетъ представить меня, но Государь смотритъ на меня съ усмѣшкой, столь для Него характерной, точно вспоминая что-то, и говоритъ—„знаю, знаю — Лейтенантъ Апрѣлевъ. Еще мичманомъ плавалъ у насъ на „Штандартѣ“. „Здравствуйте“, и подавъ мнѣ руку, Онъ шутливо прибавляетъ—„что же вы такъ плохо служите? У Васъ 100% иностранныхъ орденовъ. А русскіе гдѣ же?“ Командиръ говоритъ, что я еще молодъ, чтобы получать русскіе ордена. — „Ничего, заслужите,“ отвѣчаетъ Государь, и ласково мнѣ улыбнувшись, идетъ по фронту офицеровъ, пожимая каждому руку.

Затѣмъ Императоры идутъ по фронту команды. Раздается голосъ Императора Вильгельма съ сильнымъ акцентомъ, здоровающагося по-русски—„здорово молодцы“ и отвѣтъ команды — „здравія желаемъ Ваше Императорское и Королевское Величество“! Затѣмъ начинается осмотръ корабля.

Государь Императоръ и Германскій Императоръ Вильгельмъ 2-й на лин. кор. „Императоръ Павелъ I-й“. Балтійскій Портъ. 1912 годъ.

Императоръ Вильгельмъ довольно быстро обошелъ главныя помѣщенія корабля, затѣмъ ему подали „пробу“. Онъ очень похвалилъ наши „щи“. Послѣ этого оба Императора спустились въ каютъ-компанію, куда было подано шампанское. Государь, пригубивъ бокалъ, поставилъ его на столъ, подошелъ къ акваріуму съ золотыми и серебряными рыбками, стоящему у насъ въ столовой, и началъ говорить съ командиромъ о томъ, насколько легко команда и офицеры переносятъ

жизнь въ такомъ „стальномъ гробу“, какъ „Императоръ Павелъ 1-й“, на которомъ нѣтъ ни одного иллюминатора. Государь особенно интересовался тѣмъ, сколько времени людямъ приходится работать въ нижнихъ помѣщеніяхъ безъ воздуха и свѣта. Командиръ откровенно сказалъ, что жить на кораблѣ этого типа очень тяжело, но что зато въ боевомъ отношеніи корабль защищенъ отлично. - На это Государь сказалъ,— „Да, конечно, но вѣдь живые люди двигаютъ этотъ корабль. Вѣдь они то не бездушны. Ихъ жизнь въ этихъ условіяхъ Меня очень тревожитъ.“

Императоръ Вильгельмъ въ это время, какъ мнѣ говорили, бесѣдовалъ съ нашимъ Морскимъ Министромъ, Генералъ-Адъютантомъ, Адмираломъ Григоровичемъ, все время подчеркивая, что теперь Государственная Дума отпустила часть кредитовъ на судостроеніе и поэтому онъ рекомендуетъ намъ заказать въ Германіи немедленно нѣсколько кораблей типа „Мольтке“, что это будетъ и дешевле и скорѣе, чѣмъ постройка на русскихъ верфяхъ.

Кажется Морской Министръ ему отвѣтилъ, что по нашимъ законамъ всѣ главныя силы нашего флота должны строиться на нашихъ верфяхъ и изъ русскихъ матеріаловъ, а поэтому всѣ полученные кредиты будутъ нами израсходованы въ Россіи и для Россіи. Какъ говорили, этотъ отвѣтъ не понравился Императору Вильгельму.

Послѣ недолгаго пребыванія у насъ въ каютъ-компаніи, оба Императора вернулись на „Штандартъ“. У насъ шли разговоры о томъ, чѣмъ чревато это свиданіе. Нѣмецкіе офицеры съ „Мольтке“, явно намекали, что они пришли съ надеждою заключить съ нами союзъ противъ „общаго врага“ (подразумѣвалась Англія), что мы естественные друзья и сосѣди, что намъ нельзя и не надо быть въ разныхъ лагеряхъ и т. д.

НАСТРОЕНІЯ И ПРЕДЧУВСТВІЯ.

Со „Штандарта“ шли слухи, что германскія предложенія нами не приняты. Нѣкоторымъ изъ насъ казалось, что можетъ быть, лучшимъ выходомъ было бы, заключить соглашеніе между Россіей, Германіей и Франціей. Это было бы лучшимъ способомъ избѣжать всякихъ осложненій въ Европѣ. Что ждетъ насъ въ будущемъ?... Война? .....Первый разъ это слово мелькнуло у меня въ головѣ. До этого война была чѣмъ то теоретическимъ и съ нашими силами просто невозможнымъ. Въ Балтійскомъ Порту, въ 1912 году это вѣяніе грядущей войны, какъ то невидимо пронеслось среди насъ.

Проходя послѣ смѣны съ вахты въ командной палубѣ и обмѣниваясь съ матросами тѣми впечатлѣніями, которыя они испытали при встрѣчѣ у насъ двухъ Императоровъ, я понялъ, что и у матросовъ смутно бродили тѣ же мысли.

„Какъ-бы не было войны, Ваше Высокоблагородіе“- А съ ими тяжело будетъ, смотрите какіе у нихъ корабли. „Мольтке“ этотъ одинъ чего стоитъ!“ Такія, примѣрно рѣчи, вспоминаются мнѣ.

ВЫСОЧАЙШІЙ СМОТРЪ ВЫБОРГСКОМУ ПОЛКУ.

На другой день былъ смотръ на берегу 85-му пѣхотному Выборгскому полку, Шефомъ котораго состоялъ Императоръ Вильгельмъ.

Со „Штандарта“ передали, что Государь Императоръ разрѣшаетъ всѣмъ офицерамъ, свободнымъ отъ службы, быть на смотру въ Свитѣ Императоровъ.

Снова блестящая картина въ другой рамкѣ. Великолѣпный почетный караулъ отъ полка со знаменемъ, съ хоромъ музыки, проходитъ церемоніальнымъ маршемъ.

На правомъ флангѣ караула проходитъ Великій Князь Николай Николаевичъ, фигура котораго на голову выше всѣхъ офицеровъ и солдатъ. Звуки гимновъ, маршей...... 85-й пѣхотный Выборгскій полкъ стоитъ въ полѣ, точно застывшая каменная глыба. Ни одинъ штыкъ не дрогнетъ. Полкъ беретъ „на краулъ“. Императоръ Вильгельмъ выходитъ на середину поля, здоровается съ полкомъ. Затѣмъ начинаются уставныя ученія. Полкъ представленъ дѣйствительно блестяще. Императоры еще разъ обходятъ его фронтъ и затѣмъ начинается церемоніальный маршъ. Императоръ Вильгельмъ въ тотъ же день пригласилъ всѣхъ офицеровъ Выборгскаго полка, на свою яхту „Гогенцолернъ“.

Послѣдніе часы—„свиданія въ Балійскомъ порту“. Германская эскадра снимается съ якоря. „Мольтке“ и „Слейпнеръ“ идутъ прямо въ море. „Гогенцолернъ“, снявшись съ якоря, очень большимъ ходомъ идетъ подъ корму „Императора Павла 1-го“. У насъ оркестръ играетъ германскій гимнъ и германскую встрѣчу. Мы ясно видимъ фигуру Императора Вильгельма въ германской морской формѣ. Онъ подымается на передній ходовой мостикъ.

Государь Императоръ и Императоръ Вильгельмъ во время смотра 85-го пѣхотнаго Выборгскаго, Его Императорскаго и Королевскаго Величества Императора Германскаго и Короля Прусскаго Вильгельма 2-го полка, въ Балтійскомъ Порту.

„Гогенцолернъ“ полнымъ ходомъ блестяще рѣжетъ намъ корму, такъ близко, что правое крыло его мостика проносится совсѣмъ около насъ.

Среди мертвой тишины, съ этого мостика, раздается рѣзкій голосъ Императора Вильгельма, обратившагося къ намъ по русски — „прощайте“. Лицо его кажется почти свирѣпымъ. Усы грозно подняты кверху. „Счастливо оставаться Ваше Императорское и Королевское Величество“ отвѣчаетъ наша команда.

„Гогенцолернъ“, пройдя вдоль нашего лѣваго борта, поворачиваетъ въ море, нагоняетъ „Слейпнеръ“ и „Мольтке“ и германская эскадра быстро удаляется.

На „Штандартѣ“ поднятъ сигналъ—„Государь Императоръ желаетъ счастливаго плаванія“. На „Гогенцолернѣ“ взвивается отвѣтный сигналъ Императора Вильгельма.

Германскія суда уже далеко; вотъ они скрылись за горизонтомъ. Мы съ „Андреемъ Первозваннымъ“, по сигналу со „Штандарта“, снимаемся съ якоря и идемъ на соединеніе со своей бригадой въ Ревель.

ВЫВОДЫ И ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ.

Теперь мы убѣждены, что „это война“. Война чувствовалась въ словахъ германскихъ офицеровъ, война слышалась въ голосѣ Императора Вильгельма и послѣднее его громко и рѣзко сказанное — „прощайте“, намъ показало окончательно, что „это война“. Почему? .... По какому поводу? .... Этого мы не знали, но инстинктивно почувствовали, что нѣмцы „рѣшили воевать“.

Можетъ быть „свиданіе въ Балтійскомъ Порту“ было ихъ послѣдней попыткой измѣнить общее политическое положеніе? „Пощупать почву“?.. Для меня лично, съ этого историческаго дня стало ясно, что война неизбѣжна. Вопросъ только въ томъ, когда и по какому поводу она разразится? Мнѣ было ясно, что мы эту войну не вызовемъ, что она намъ не нужна и мы къ ней не готовы. Нельзя ли избѣжать ее?... Нельзя ли измѣнить роковую міровую обстановку, ведущую къ этой войнѣ?...

Такія мысли бродили у меня въ головѣ на переходѣ изъ Балтійскаго Порта въ Ревель и передо мною мелькнулъ обликъ Государя. Вѣдь и Онъ тамъ, на „Штандартѣ, думаетъ объ этомъ, и если для насъ, офицеровъ, этотъ вопросъ былъ скорѣе техническимъ, такъ

сказать профессіональнымъ, то для Него все это было такимъ бременемъ, такой страшной отвѣтственностью. Грядущую бурю Онъ, очевидно, предотвратить не могъ. Судьба народовъ Европы неудержимо тянула ихъ къ борьбѣ.

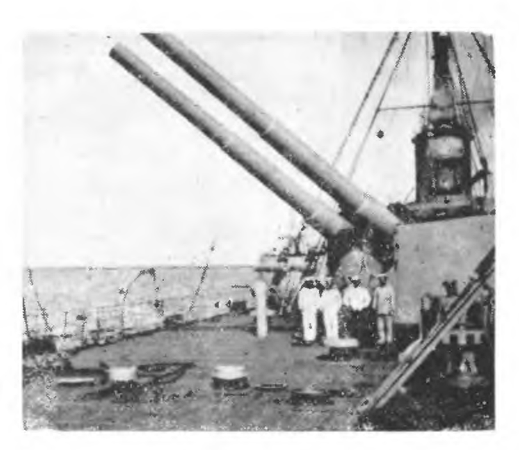
Россія, менѣе всего заинтересованная въ этой борьбѣ, была связана съ этими народами. Мысленно я представилъ себѣ Государя, Его грустные глаза, Его, такъ часто страдальческую, улыбку и опять жуткое чувство тоски и страха за Его обреченность охватили меня.

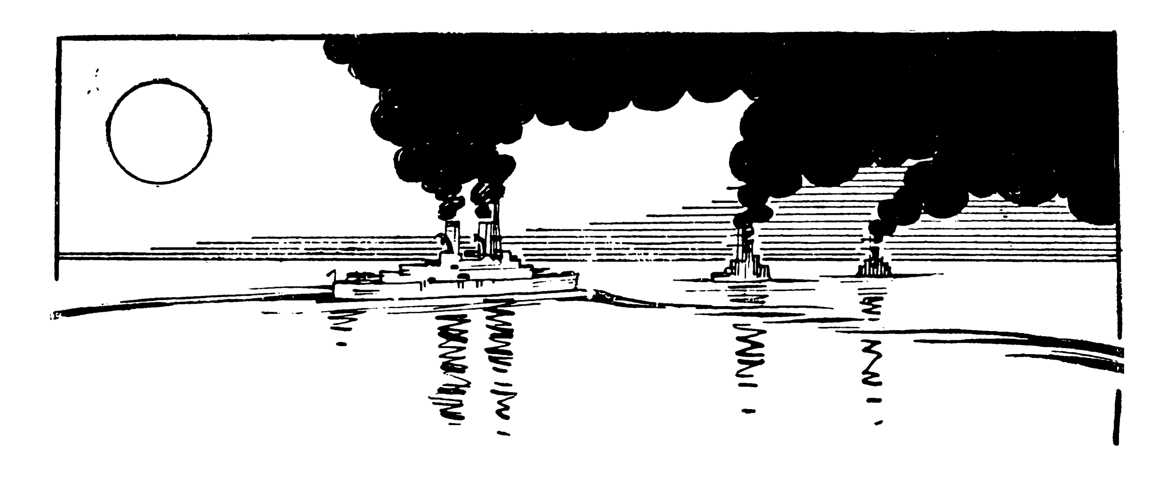
„Штандартъ" и „Гогенцолернъ" на ходу.

Стрѣльба полевой артиллеріи.

Башня 10 дюймовыхъ орудій.
Броненосный крейсеръ "Рюрикъ".

Русскій флотъ передъ войной.

ГЛАВА X

1913 годъ.

Прошелъ годъ. За это время, каждый разъ, когда наши суда бывали въ портахъ Германіи, они встрѣчали тамъ явно недружелюбное отношеніе.

На судахъ нашего флота, какъ въ Балтійскомъ, такъ и въ Черномъ моряхъ, спорадически вспыхивали безпорядки, вызываемые пропагандой партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Мнѣ и тогда казалось страннымъ, что эта пропаганда такъ удивительно совпадала съ тѣмъ, что надо было Германіи,—задержать, осложнить и помѣшать дѣлу быстраго возсозданія нашего флота. Характернымъ было и то, что эта пропаганда была болѣе интенсивной въ Балтійскомъ морѣ, что опять-таки было выгоднѣе нѣмцамъ.

Я лично въ это время былъ далекъ отъ строевой службы, такъ какъ сильно заболѣлъ, лѣчился и затѣмъ оказался въ Морскомъ Генеральномъ Штабѣ въ Санктъ - Петербургѣ.

ДЕНЬ БОГОЯВЛЕНІЯ.

За это время мнѣ пришлось видѣть Государя разъ, во время Высочайшаго выхода въ Зимнемъ Дворцѣ, въ день Богоявленія и освященія воды на Іордани на Невѣ.

СИЛУЕТЫ на стр. 97-й КРЕЩЕНСКІЙ ПАРАДЪ ВЪ ДЕНЬ БОГОЯВЛЕНІЯ ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ.

Выносъ Знаменъ и Штандартовъ на Іордань на Невѣ:

1) Дворцовые Гренадеры.

2) Собственный Его Императорскаго Величества Конвой.

3) Пажескій Его Императорскаго Величества Корпусъ.

4)
5) } Военно - учебныя заведенія.

6) л. гв. Егерскій полкъ.

7) л. гв. Московскій полкъ.

8) л. гв. Гренадерскій полкъ.

9) л. гв. Павловскій полкъ.

10) л. гв. Финляндскій полкъ.

11) л. гв. Стрѣлковый Его Величества полкъ.

12) л. гв. Кирасирскій Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны полкъ.

13) л. гв. Казачій Его Величества полкъ.

14) л. гв. Атаманскій Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полкъ.

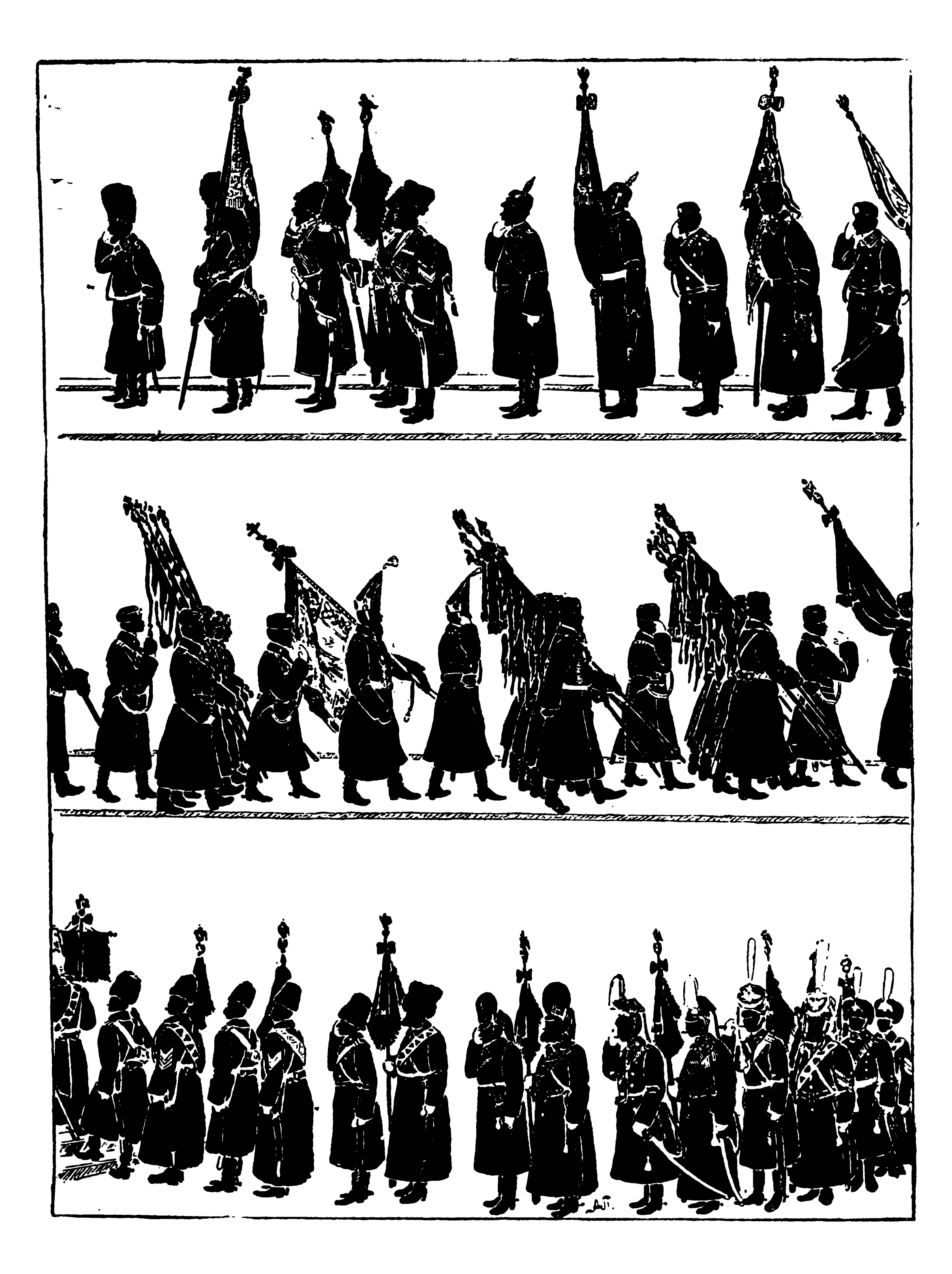
15) л. гв. Уральская казачья сотня (съ 9-го августа 1906 года л. гв. Сводно-Казачій полкъ).

16) л. гв. Конно-Гренадерскій полкъ.

17) л. гв. Уланскій Ея Величества Государыни Императрицы Александры Θеодоровны полкъ.

18) л. гв. Драгунскій полкъ.

19) л. гв. Гусарскій Его Величества полкъ.

Во Дворецъ я былъ назначенъ въ числѣ „г. г. офицеровъ Гвардіи, Арміи и Флота по назначенію ихъ начальства".

Опять удалось видѣть, уже описанную раньше, картину Высочайшаго выхода.

СПЕКТАКЛЬ ВЪ ЭРМИТАЖѢ.

Въ другой разъ къ намъ въ Штабъ прислали нѣсколько билетовъ на спектакль въ театръ Эрмитажа.

Тамъ давалась опера Вагнера—„Парсифаль". Я былъ на этомъ спектаклѣ съ моею матерью. Очаровательный театръ Эрмитажа былъ полонъ изысканной публикой. Прекрасный составъ исполнителей.

Оперой дирижировалъ Свиты Его Величества Генералъ-маіоръ графъ Шереметьевъ и дирижировалъ блестяще.

Странно было видѣть за пультомъ генерала въ Свитской формѣ.

Государь былъ на этомъ спектаклѣ безъ Семьи. Онъ былъ въ формѣ л. гв. Преображенскаго полка. Въ антрактѣ я видѣлъ, что Онъ разговаривалъ съ кѣмъ-то изъ членовъ Дипломатическаго Корпуса.

Лицо его въ этотъ вечеръ мнѣ показалось очень осунувшимся и озабоченнымъ.

НАЧАЛО МІРОВОЙ ВОЙНЫ.
1914 годъ.

Этотъ годъ засталъ меня въ Морскомъ Генеральномъ Штабѣ. Государя, за этотъ годъ, мнѣ пришлось увидѣть только осенью.

Въ опроверженіе германскихъ слуховъ о Его, якобы, воинственности, я могу категорически сказать, что Морской Генеральный Штабъ также, какъ и Главное Управленіе Генеральнаго Штаба, совершенно ясно и не скрывая отъ Государя знали военное положеніе Россійской Имперіи и очень тревожились за него. Самыми страшными годами, въ смыслѣ нашей неготовности къ войнѣ, по крайней мѣрѣ, на Балтійскомъ морѣ, были годы 1914 и 1915.

Государь Императоръ у часовни Иверской Божьей Матери въ Москвѣ.

РУССКІЙ ФЛОТЪ ПЕРЕДЪ ВОЙНОЙ.

Въ 1916 году, по вступленіи въ строй нашихъ первыхъ линейныхъ кораблей-дредноутовъ, мы могли бы разсчитывать, что, въ случаѣ войны, сможемъ обезпечить себѣ владѣніе восточной частью Балійскаго моря, прилегающей непосредственно къ нашимъ берегамъ. Однако война, при извѣстныхъ всѣмъ обстоятельствахъ, разразилась въ 1914 году.

Всѣ помнятъ тѣ дни, когда громадныя толпы народа шли къ Зимнему Дворцу по Невскому Проспекту. Помнятъ, какъ толпа упала на колѣни, когда Государь показался на балконѣ Зимняго Дворца.......

СПУСКЪ ЛИНЕЙНАГО КРЕЙСЕРА „БОРОДИНО".

Въ началѣ войны, осенью 1914 года, мнѣ пришлось увидѣть Государя еще разъ и въ рѣдкой обстановкѣ. Это было при спускѣ линейнаго крейсера „Бородино" съ элинга Казеннаго Адмиралтейства, въ Санктъ-Петербургѣ, на лѣвомъ берегу Невы.

Четыре такихъ же гигантскихъ крейсера строились тогда въ Россіи. Два изъ нихъ — „Измаилъ" и „Наваринъ" на Балтійскомъ Судостроительномъ заводѣ, а два—„Бородино" и „Кинбурнъ" на верфяхъ Казеннаго Адмиралтейства. „Бородино" былъ спущенъ вторымъ и на этомъ спускѣ присутствовалъ Государь.

Стоялъ яркій солнечный день. Въ Неву пришли военныя суда, назначенныя на это торжество. Около элинга Казеннаго Адмиралтейства построена трибуна для Государя и трибуны для публики. Тысячи рабочихъ завода собраны къ этому элингу. Трибуны украшены красной матеріей и національными флагами. Гигантскій корпусъ корабля, готоваго къ спуску, высится на элингѣ. Спусковой вѣсъ „Бородино" былъ около 10.000 тоннъ. Объ этой тяжести можно судить, если представить себѣ, что одна тонна вѣситъ 60 пудовъ и что еще въ 1904 году, то есть только за 10-ть лѣтъ до того, цѣлый броненосецъ въ полномъ грузу бывалъ около 10.000 тоннъ.

Корабли, типа „Бородино", въ полномъ грузу, то есть когда на нихъ были бы поставлены артиллерія, броня, башни, главные и вспомогательные механизмы, запасъ топлива и воды, должны были имѣть 32.500 тоннъ водоизмѣщенія при 68.000 лошадиныхъ силъ, развиваемыхъ ихъ механизмами. Вооруженіе ихъ было XII—14 дм.

орудій. Вѣсъ снаряда такого орудія былъ около 35-ти пудовъ. Кромѣ этихъ орудій корабли имѣли мошную противоминную артиллерію, а именно XXIУ—130 м/м орудія. При полной мощности предполагалось, что скорость хода этихъ гигантовъ была бы 29,5 узла (около 52 верстъ въ часъ). По сравненію со своими современниками, эти корабли были самыми сильными въ мірѣ, и, что являлось нашей гордостью, ихъ проектъ, чертежи, и постройка были произведены русскими корабельными инженерами, русскими мастерами, русскими рабочими и изъ русскихъ матеріаловъ.

По этимъ кораблямъ можно было судить, какіе громадные успѣхи дѣлаетъ Россія, въ дѣлѣ кораблестроенія и вообще въ техникѣ.

Государь прибылъ на торжество точно, въ назначенный часъ, на паровомъ катерѣ. Выйдя на пристань около элинга, Онъ обошелъ присутствующихъ раненыхъ сухопутныхъ офицеровъ, пришедшихъ изъ разныхъ госпиталей посмотрѣть на рѣдкое торжество.

Эти раненые офицеры были первымъ живымъ свидѣтельствомъ, уже начавшихся страданій войны. Всѣ присутствующіе, кромѣ морскихъ офицеровъ, были въ формѣ „военнаго времени". Не было роскошныхъ красокъ и разнообразія, какъ это бывало на Майскихъ парадахъ и другихъ торжествахъ стараго времени.

Самъ Государь былъ въ бѣломъ морскомъ кителѣ. Обойдя раненыхъ, Государь пошелъ по элингу, здороваясь съ корабельными инженерами, мастерами и рабочими, трудившимися надъ созданіемъ этого чуда русскаго кораблестроительнаго искусства.

Затѣмъ Онъ поднялся на палубу „Бородино", гдѣ былъ выстроенъ караулъ съ хоромъ музыки и гдѣ находился командиръ корабля, Флигель-Адъютантъ Капитанъ I ранга М. М. Веселкинъ. На палубѣ начался молебенъ. По окончаніи Богослуженія, Государь спустился внизъ и прошелъ въ Свою трибуну. Съ „Бородина" ушли всѣ, не участвующіе въ спускѣ. Тамъ остался только командиръ, караулъ, музыканты и необходимое число матросовъ. Лѣвѣе Царской трибуны стоялъ почетный караулъ отъ 2-го Балтійскаго экипажа со знаменнымъ флагомъ и хоромъ музыки. Въ трибунѣ, вмѣстѣ съ Государемъ находился Морской Министръ, Генералъ-Адъютантъ Адмиралъ И. К. Григоровичъ, въ Свитской формѣ. Государь подаетъ знакъ къ спуску.

„Корабль къ спуску"—раздаются команды инженеровъ. Въ элингѣ начинается грохотъ. Это выбиваютъ послѣднія подпорки. Грохотъ кончается. Рабочіе выходятъ изъ элинга.

Почетный караулъ беретъ „на краулъ". „Идетъ .....идетъ"...... слышно среди публики въ трибунахъ. Нѣтъ не идетъ, сейчасъ еще особый поршень-толкачъ подтолкнетъ его въ форштевень.....

Огромный корабль, высотою въ шести-этажный домъ и длиною 728 футъ, при ширинѣ въ 98 футъ, дѣйствительно „идетъ“.

Эта грандіозная стальная масса медленно ползетъ по наклонному элингу внизъ, къ Невѣ. Черезъ секунду уже видно, что скорость ея движенія увеличивается. У стоящихъ около элинга, начинаетъ кружиться голова, съ такою быстротою скользитъ эта громада.

Корма гиганта-корабля врѣзывается въ воду, подымая высокій столбъ водяной пыли и брызгъ. Его винты начинаютъ вращаться при погруженіи въ воду.

„Изъ правой бухты вонъ“!...... доносится къ намъ съ него. Корабль со страшной быстротою влетаетъ весь на воду и несется къ противоположному берегу Невы. „Отдать якорь“! ...

Правый якорь съ грохотомъ отданъ. Травится тяжелый канатъ. Въ этотъ моментъ на „Бородино“ подняты-кормовой Андреевскій флагъ, на бакѣ-гюйсъ и на шханцахъ Императорскій Штандартъ.

Отдаютъ лѣвый якорь. „Бородино“, какъ будто, на секунду задерживается, канаты „сучатся“. Вдругъ, изъ лѣваго клюза вырывается снопъ искръ. Лѣвый канатъ лопнулъ. Отдаютъ лѣвый запасный якорь, потомъ правый запасный...... Нанецъ, на трехъ якоряхъ корабль останавливается, едва не дойдя кормою до противоположнаго берега Невы.

Съ судовъ, стоящихъ на Невѣ, гремитъ Императорскій салютъ, Спускъ прошелъ блестяще. Теченіе Невы поворачиваетъ „Бородино“ вдоль рѣки. Видны развѣвающіеся на немъ Штандартъ, Флагъ и гюйсъ. По водѣ плывутъ клубы порохового дыма отъ салютующихъ судовъ. Тучи частныхъ шлюпокъ бросаются къ мѣсту спуска.

Царь и массы народа любуются новой могучей единицей Россійскаго Императорскаго Флота. Къ „Бородино“ подходятъ буксирные пароходы, которые сейчасъ отведутъ его къ берегу, поставятъ вдоль набережной завода и много еще намъ будетъ работы. Надо поставить броню, котлы, машины, вспомогательные механизмы, отдѣлать всѣ внутреннія помѣщенія, затѣмъ установить его могучую артиллерію. Часть работъ можно произвести на Невѣ около завода, а затѣмъ придется вести его въ Кронштадтъ и тамъ привести въ окончательную готовность.

Къ сожалѣнію, изъ за войны, достройка этихъ кораблей была пріостановлена и они такъ и не вошли въ строй флота.

Послѣ спуска „Бородино“, Государь попрощался съ инженерами и рабочими. Громкіе крики „ура“ неслись Ему вслѣдъ; музыка играла „Боже Царя храни“. Государь сѣлъ въ катеръ и катеръ отвалилъ ....

Это послѣднее красивое русское торжество, гдѣ я видѣлъ Государя, на фонѣ гигантскаго судостроительнаго завода, среди инженеровъ и массы рабочихъ.

Государь Императоръ у монумента въ память столѣтія со дня присоединенія Бессарабіи къ Россіи. г. Кишиневъ. Бессарабія.

Императорская яхта „Штандартъ“ и яхта Германскаго Императора „Гогенцолернъ„.

Боевая рубка линейнаго корабля „Императоръ Павелъ 1-й“

Война.

ГЛАВА XI

Государь Императоръ бесѣдуетъ съ ранеными.

Пошли тяжелые годы войны. Много дурного пришлось пережить за это страшное время. Многіе русскіе были захвачены идеей, чго у насъ все плохо потому, что Правительство „не имѣетъ довѣрія“ въ странѣ, что намъ нужны „новые люди“, кабинетъ войны, новые методы и т.д.

Не знаю, что по этому поводу думалъ Государь, почему Онъ дѣйствовалъ такъ, а не иначе. Теперь, когда прошло столько лѣтъ, мнѣ кажется, что всѣмъ становится яснымъ, что дѣло было не въ новыхъ людяхъ, не въ методахъ. Что ни то, ни другое не могло бы помочь и остановить ходъ грозныхъ событій.

Слишкомъ много людей спекулировало на разрухѣ и на революціи; и то и другое, прежде всего, было нужно нашимъ врагамъ, а затѣмъ, къ сожалѣнію, и нашимъ союзникамъ.

Одной изъ причинъ нашей неготовности къ войнѣ, было отношеніе союзниковъ къ намъ, какъ къ пушечному мясу, которое можетъ и должно драться даже невооруженнымъ. Что же касается непорядковъ русскаго военнаго министерства, о которыхъ

На зарѣ Франко-Русскаго Союза. Государь Императоръ и Президентъ Французской Республики г. Феликсъ Форъ. 1897 годъ.

тогда такъ много кричали, то теперь оказывается, что почти все, что оно предвидѣло въ мирное время, полностью сбылось. На первые мѣсяцы войны мы, какъ и всѣ остальные воюющіе, были относительно готовы и снабжены, а затѣмъ, не имѣя, достаточно развитой, своей промышленности, попали въ полную зависимость отъ союзниковъ, да еще отрѣзанные отъ нихъ, благодаря неудачѣ Дарданельской операціи.

Все это не касается непосредственно моихъ записокъ, но я упоминаю объ этомъ, ибо ясно сознаю, въ какой степени это должно было отражаться на Государѣ и принимаемыхъ имъ рѣшеніяхъ; въ какомъ тяжеломъ положеніи былъ Государь и какъ трудно ему было принять какое бы то ни было опредѣленное рѣшеніе, относительно внутренняго положенія страны.

Государь Императоръ на прогулкѣ въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго. м. Барановичи. 1914 г.

СТАВКА ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО.

За это время я рѣдко видѣлъ Государя. Я былъ назначенъ въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго. Ставка стояла въ Барановичахъ. Государь изрѣдка пріѣзжалъ къ намъ. Помнится мнѣ особенно, Его первый пріѣздъ осенью 1914 года. Его поѣздъ прошелъ мимо нашего штабного поѣзда очень малымъ ходомъ. Передо мною мелькнуло знакомое, дорогое мнѣ, лицо Государя, стоявшаго у окна своего вагона. Онъ поклонился намъ. Лицо Его было блѣдно и мнѣ казалось, что Онъ очень измѣнился и постарѣлъ за это время. Глаза Его были очень грустны.

При пріѣздахъ въ Ставку, по вечерамъ, Государь бывалъ въ штабномъ кинематографѣ, гдѣ показывались снимки съ фронтовъ на-

Государь Императоръ въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго. м. Барановичи. 1914 годъ.

шего и западнаго. Послѣдній разъ это было послѣ взятія нашей арміей Пржемышля, въ 1915 году.

Я не зналъ, что 1915 годъ будетъ тѣмъ годомъ, когда я въ послѣдній разъ въ жизни увижу Государя.

БѢЛОЕ МОРЕ.

Въ 1915 году я получилъ назначеніе, сначала на Мурманъ и въ Бѣлое море, а потомъ въ Средиземное море, гдѣ меня и застала наша революція. Пусть тѣ, кто былъ близокъ къ Государю и оставался при Немъ, сообщатъ потомству, что переживалъ Государь за эти страшные годы. У меня же навсегда останется въ памяти Его измученное доброе лицо, Его печальная улыбка, какъ я видѣлъ Его въ послѣдній разъ въ Барановичахъ, въ Ставкѣ, весной 1915 года.

РЕВОЛЮЦІЯ.

Затѣмъ разразилась, такъ называемая „великая и безкровная" революція 1917 года; „борьба до побѣднаго конца", а посему повальное бѣгство съ фронта. „Миръ безъ анексій и контрибуцій". благодаря которому Россія потеряла громадныя области и заплатила большую контрибуцію. Далѣе полный развалъ фронта и кровь, кровь, кровь, безъ конца, Пошлая борьба за власть, бездарные „предпарламентъ" и "учредилка", разогнанная матросомъ Железнякомъ.

Ни одной героической строчки, жалкое подражаніе „подъ французскую революцію" и потрясающая трусость. Казалось, вся пошлость, вся подлость людская, таящіяся гдѣ то въ нѣдрахъ, выплеснулись наружу и залили Россію. Позорный Брестъ-Литовскій миръ, едва скрываемая радость союзниковъ, какъ только они поняли, что могутъ обойтись безъ Россіи, послѣдняя ставка зарвавшагося противника, все это пронеслось дикимъ шабашемъ надъ несчастной нашей Родиной.

Мы, современники этого, еще не можемъ разобраться во всемъ, не можемъ быть безпристрастными, но мнѣ кажется, что злодѣяніе въ Екатеринбургѣ является самымъ позорнымъ фактомъ для насъ и для нашего народа.

Въ этотъ періодъ я плавалъ на Французскомъ флотѣ въ Средиземномъ морѣ. Помню, какъ одинъ французскій морской офицеръ, показывая мнѣ телеграмму, извѣшавшую объ этомъ злодѣяніи и услышавъ отъ меня слова: „Какъ! они казнили Царя?“...весь задрожалъ и истерически воскликнулъ—„нѣтъ, не казнили, нельзя такъ говорить—они убили, замучили Его и Его Семью, это такой позоръ, какого не знаетъ исторія. Въ другихъ странахъ бывали пародіи суда, была казнь,-здѣсь было злодѣйство........“ Такъ, иностранецъ пережилъ это извѣстіе. А мы?...

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Уносясь мысленнымъ взоромъ въ наше прошлое, я вижу, какъ блистательная Династія Романовыхъ съумѣла, въ теченіи всего 300 лѣтъ, создать изъ Московскаго Великаго Княжества, бывшаго западнаго „улуса“ Золотой Орды, необъятную Россійскую Имперію. При этой Династіи Россія гигантскими шагами нагоняла, а въ нѣкоторыхъ областяхъ и перегоняла болѣе старую и, бывшую въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, Западную Европу. Династія Романовыхъ, неразрывно связанная съ величіемъ и прогрессомъ Россіи — началась въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Въ моментъ наибольшаго развитія и величія Россіи, Имперія пала съ мученической смертью Государя и Его Семьи въ подвалахъ Ипатьевскаго Дома въ Екатеринбургѣ. Какое жуткое совпаденіе!........

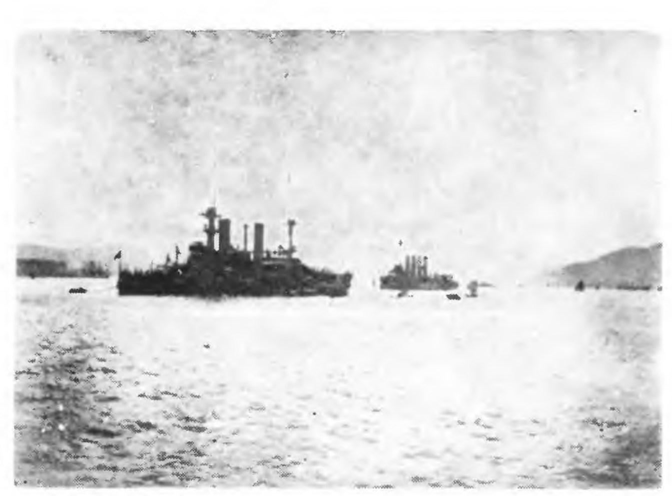

Лейбъ-Медикъ, Докторъ Медицины Евгеній Сергѣевичъ Боткинъ. Остался при Государѣ и Его Августѣйшей Семьѣ до конца. Погибъ мученической смертью въ подвалѣ Ипатьевскаго дома въ Екатеринбургѣ.

Вѣетъ кровавая буря надъ бѣдной Россіей.. „Незабвенный“ февраль революціи, съ нерусскими названіями – „анексія“, „контрибуція“, „кооптація“, „интервенція“, „федерація“ и т.д. смѣнился хамодержавіемъ планетарнаго „октября“, съ нерусскими вождями и новыми русскими словечками, вродѣ — „извиняюсь“, „зажать“, „угробить“, „шомполизировать“, „даешь“ и т.д.

Наслѣдникъ Цесаревичъ въ формѣ Собственнаго Его Императорскаго Величества Конвоя.

„Чесма“ и „Варягъ“ въ Гонконгѣ. 1916 г.

Закрыто лицо Россіи. Вмѣсто дорогого намъ имени-Россія она значится теперь подъ кличкой С. С. С. Р.

„Бывшій Государь", какъ называлъ Его я, послѣ отреченія Его отъ Престола, и какъ называли Его нѣкоторые русскіе и иностранцы; „Николай" въ устахъ русскихъ либераловъ и полуинтеллигенціи; „Николай - кровавый", какъ звали и зовутъ Его русскіе соціалисты, замученъ со Своею Семьею и больше не нуждается, ни въ нашей похвалѣ, ни въ нашихъ порицаніяхъ.

Позорная для всего міра клевета на эту Семью, въ противорѣчіе пословицѣ, что—„отъ клеветы всегда что нибудь остается", грязнымъ потокомъ льется на головы самихъ клеветниковъ. Какая-бы злоба или „правда о Царской Семьѣ" не появлялись вновь, мученическіе облики Государя и Его Семьи становятся все чище и все свѣтлѣе, озаряясь неземнымъ Свѣтомъ.

Въ 1927 году я оказался больнымъ, въ маленькомъ русскомъ монастырѣ, въ Сербіи. Среди братіи были бѣжавшіе изъ Совдепіи красноармейцы. Они участвовали въ бѣгствѣ съ фронта, въ убійствахъ въ грабежахъ, въ сожженіи помѣщичьихъ усадебъ и въ борьбѣ противъ „бѣлыхъ". Въ концѣ концовъ они попали въ монастырь и теперь, подъ черными клобуками, молятся.

Трудно было отъ нихъ добиться, что привело ихъ въ Монастырь. Совѣсть? Думаю, что отчасти да, хотя они не каялись, что были въ красной арміи. Тяжесть жизни въ совѣтскомъ раю? — Возможно и это. Но, повидимому, истинный смыслъ ихъ ухода въ монастырь заключался въ чемъ то другомъ.

Во всемъ проскальзывало у нихъ чувство, что свершилась „большая неправда".

Это чувство я уловилъ въ ихъ путаныхъ словахъ относительно „вины" кого-то, обращенныхъ ко мнѣ, какъ къ „интелихенту".— „Не очиститься Вамъ теперича. Вы вотъ всѣ господа „образованные", и правые, и лѣвые, и всякіе, прогнали Государя, да сами на нашу шею то хотѣли сѣсть. А Онъ чѣмъ виноватъ?... А пострадалъ Онъ больше всѣхъ, потому невинно погибъ, да еще мученикомъ. А вѣдь на каждомъ изъ Васъ какая-нибудь вина, да есть. И сколько бы Васъ теперича не гоняло по свѣту, какъ бы Вы ни „смирялись", все равно Вамъ не искупить Его мукъ и мукъ евонной Семьи; развѣ самъ Господь помилуетъ."

И эти бывшіе красноармейцы молятся объ упокоеніи душъ, невинно убитыхъ и замученныхъ Государя и Его Семьи, и о прощеніи имъ, молящимся, этого грѣха.

Можетъ быть, какъ въ старину, изъ этой монашеской среды, снова подымется красивая верхушка Россіи, взамѣнъ той прекрасной, которую разрушила грубая сила. Дай Богъ, чтобы грядущая Россія жила бы не „пятачкомъ" какъ сегодня, а красотою. Такая Россія

будетъ горько оплакивать всѣхъ своихъ дѣтей, погибшихъ въ страшные годы смуты; будетъ Она плакать о замученномъ Государѣ и о Его Семьѣ и врядъ ли сможетъ Она забыть когда-нибудь о злодѣяніи въ подвалахъ Ипатьевскаго дома.

Эту Россію, прекрасную, культурную, въ Ея горѣ, мнѣ жаль и невольно приходятъ на память слова Некрасова:

„То слезы бѣдныхъ матерей,
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ,
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей.“

Русскій монастырь „Хопово“
близь города Иригъ
въ Югославіи.

8-го ноября 1927 года.
Meudon s/S. France

ОГЛАВЛЕНІЕ

СПИСОКЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ

стр.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница	строка сверху	Напечатано	Должно быть
36	31	м ня	меня
42	24	Сервировкастола	Сервировка стола
43	подъ рисункомъ	осударь	Государь
45	35	остав лся	оставался
61	подъ рисункомъ	„Императоръ Павелъ 1-й	„Императоръ Павелъ 1-й“
62	2	лицъ.	лицъ
62	27	о-въ	о-ва
63	18	Штабъ	Штабѣ
64	33	Учавствовалъ	Участвовалъ
65	11	фонъ	фонъ
65	16	Гардемарнискимъ	Гардемаринскимъ
75	33	заливатся	заливаются
79	14	передавли	передавали
84	14	линейнымъ	линейныхъ
102	19	Нанецъ	Наконецъ
102	30	еще намъ	еще тамъ
Илл. № 35		Несаревичъ	Цесаревичъ
Илл. № 36		24	54
Илл. № 63		Алексанровичъ	Александровичъ